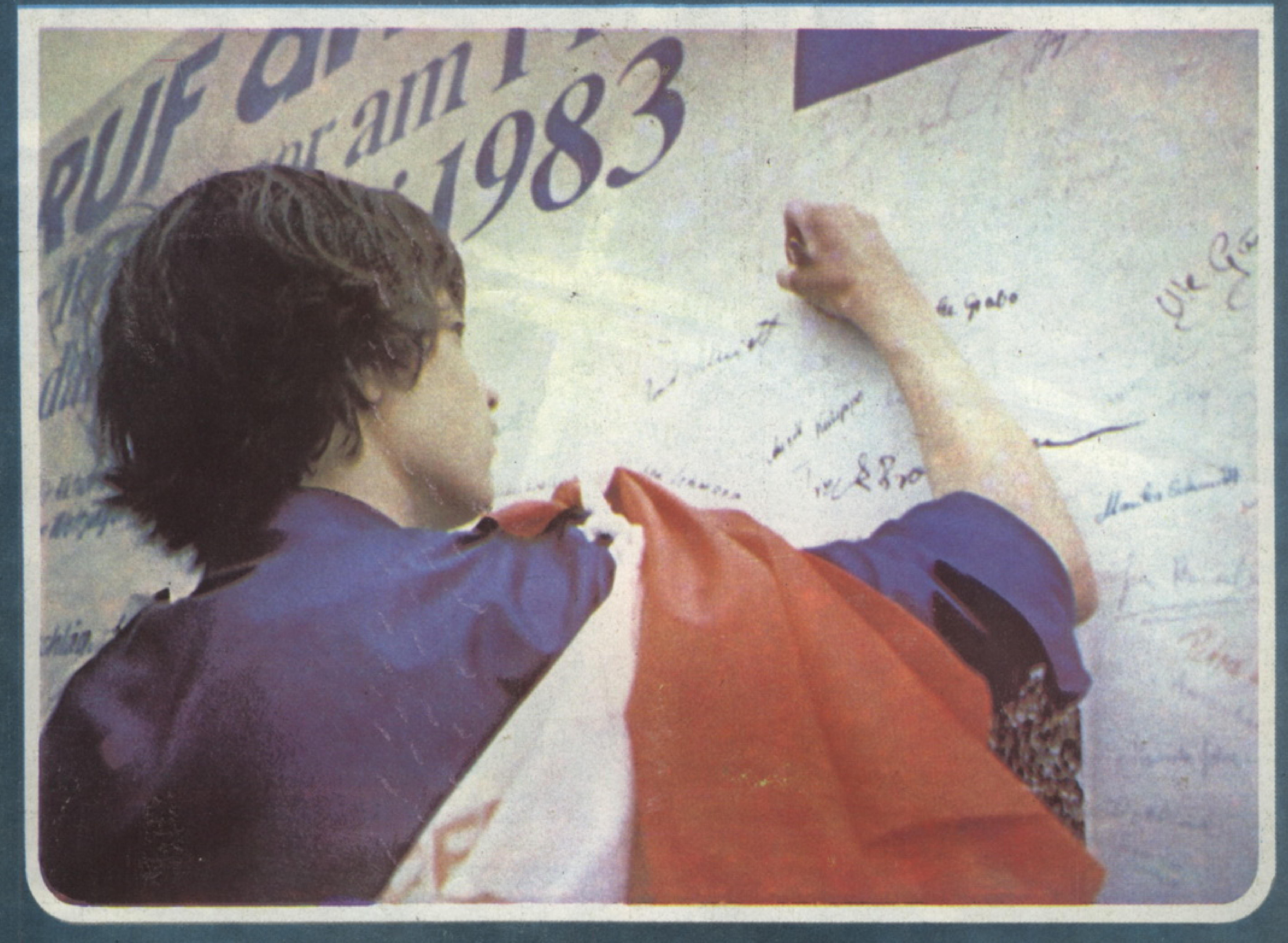

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

10/83
Октябрь

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

В НОМЕРЕ:

ISSN 0131—5994

der Teilnehmer am
Potsdam, 22. Mai 1983

Встреча молодежи социалистических стран «ЗА МИР И РАЗОРУЖЕНИЕ» в ГДР

...Именно социализм выступает как самый последовательный защитник здоровых начал в международных отношениях, защитник интересов разрядки и мира, интересов каждого народа, всего человечества.

Ю. В. АНДРОПОВ
Из речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС

На снимках: многотысячный антивоенный митинг молодежи столицы в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, посвященный Дню советской молодежи. На более чем двухстах тысячах бюллетеней-открыток «Я голосую за мир!» москвичи написали свои имена.

МОСКВА. Международный день солидарности молодежи комсомольцы Ленинградского района столицы отметили грандиозным митингом в защиту мира, против милитаристских планов США и других стран НАТО. Местом акции стал Дворец спорта «Динамо» — лишь помещение подобных размеров могло вместить всех участников. В холлах, на импровизированных сценах выступили вокально-инструментальные ансамбли политической песни, здесь же прошла выставка политического плаката. На митинге был принят текст письма-обращения к президенту Рейгану. «Сегодня мир вновь в опасности,— говорится в нем.— Мы протестуем против решения превратить Западную Европу в стартовую площадку для новых американских ядерных ракет».

НОВГОРОД. Центральная площадь кремля. Тысячи молодых новгородцев собрались на митинг протеста против размещения на территории Западной Европы американских ядерных ракет, в руках у них плакаты: «Мы верим в победу разума над безумием, жизни над смертью!» Собравшиеся обратились с призывом к молодежи ФРГ вместе бороться за мир: «Мы не хотим, чтобы трагедия повторилась. Убеждены, что и вы не хотите, чтобы ваши города стали мертвой пустыней. Так давайте же вместе предотвратим беду!»

ОДЕССА. Здесь прошла Неделя международной солидарности молодежи, центральным событием которой стал интернациональный митинг под девизом «Юность обличает сионизм». В нем приняли участие около тысячи молодых рабочих, советских и иностранных студентов из пятидесяти стран мира. Палестинец Мухамед Абуль Неадж, учащийся Одесского инженерно-строительного института, рассказал собравшимся о борьбе арабского народа Палестины, о зверствах израильских агрессоров на оккупированной земле.

ТАШКЕНТ. В КМО Узбекистана прошла встреча лидеров землячеств иностранных студентов в Ташкенте. Представители НРБ, ГДР, МНР, Кубы, ДРА, Индии, Сирии, Перу и других стран вместе со студентами Узбекистана принимают активное участие в Марше мира советской молодежи. Под открытками протеста, посланными в штаб-квартиру НАТО из Узбекистана, стоят и их имена.

САМАРКАНД. По инициативе комсомольцев городского таксопарка молодым водителям для безвозмездного труда были выданы две автомашины. Каждый день они выходят на линию, а полученная выручка перечисляется в Фонд мира. Начинание комсомольцев поддержали все водители, их в таксопарке 870. Раз в году каждый садится за руль автомобиля, на дверцах которого, помимо привычных шашечек, изображена эмблема Марша мира советской молодежи.

КИЕВ. Комсомольцы Киевской городской киносети каждый месяц отчисляют один процент от зарплаты в

Фонд мира. Они обратились с призывом ко всем комсомольцам, работающим в системе кинофикации страны, поддержать это начинание.

ЯРОСЛАВЛЬ. На городском стадионе «Шинник» собралась молодежь города, чтобы выразить свою волю: «Я голосую за мир!» В урны голосования, установленные на поле стадиона, собравшиеся опустили двадцать тысяч бюллетеней-открыток. С трибуны митинга выступили знатные люди города, ветераны войны. Прямо отсюда отправился на стройки Нечерноземья областной строительный студенческий отряд. В этом году ему предстояло освоить капиталовложения на сумму шесть миллионов рублей.

БАРНАУЛ. На площади Советов собрались десять тысяч студентов, молодых рабочих и школьников на митинг протеста против ядерной угрозы. Среди участников комсомольцы Барнаульского станкостроительного завода, именно им принадлежит инициатива провести массовую демонстрацию протеста против гонки вооружений по почте. Секретарь заводского комитета ВЛКСМ Валерий Мальцев предложил тогда собрать среди советской молодежи двадцать миллионов подписей в память о каждом погибшем в Великой Отечественной войне. 20 158 696 подписей было собрано ко Дню Победы.

РОВЕНЬКИ. Неподалеку от этой деревеньки находится мемориал героям «Молодой гвардии». Здесь, в Гремучем лесу, они встретили свой последний час. Участники Всесоюзной вахты памяти пришли сюда на антивоенный митинг. На мраморную плиту с именами молодогвардейцев легли красные гвоздики, посланцы разных областей дали клятву верности идеалам, за которые погибли герои Краснодона. Собравшиеся обратились с призывом ко всем людям доброй воли сплотиться в борьбе за мир, за разоружение.

БРЕСТ. Тысячи юношей и девушек Белоруссии трудятся под девизом «Ударный труд — наш ответ поджигателям войны». Комсомольско-молодежные коллективы Бреста объявили социалистическое соревнование за право носить имя защитников крепости-героя. Победитель соревнования комсомольско-молодежный коллектив имени А. Наганова перечислил в Фонд мира четыре тысячи рублей. Ребята посадили у стен цитадели березовую рощу — символ возрожденной из руин Белоруссии.

ПОТСДАМ. Здесь, как известно, под лозунгом «Мир — первое право человека» состоялась весной этого года встреча посланцев 17 братских союзов молодежи социалистических и развивающихся стран, в которой приняла активное участие делегация Ленинского комсомола. Встреча в ГДР стала началом массовых молодежных выступлений в рамках объявленной ВФДМ кампании «Всемирные действия молодежи за мир и разоружение».

Участию советских юношей и девушек в кампании ВФДМ — Маршу мира советской молодежи — посвящен специальный выпуск Всемирного молодежного телеграфа в этом номере «Ровесника». Встрече в ГДР — фотографии на первой странице обложки и развороте «Смотрите!».

Интернациональный долг гражданина СССР — содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира.

Конституция СССР. Статья 69

Расскажу о моем советском друге

Али Абдулла ЯССИН

На этих страницах очередное выступление журналистов-лумумбовцев в «Ровеснике». Студенты Университета дружбы народов решили отметить знаменательную дату в жизни советской молодежи — 65-летие Ленинского комсомола — рассказами о своих товарищах, о тех, кто стал для каждого из них близким человеком, помог ощутить тепло бескорыстной дружбы, коллективизма, солидарности, помог понять характер советских людей, черты советского образа жизни.

Рассказы о воспитанниках советского комсомола получились очень личными, а отношение к нему молодых представителей разных народов конкретным и осязаемым. В таких, казалось бы, житейских эпизодах часто и раскрывается результат усилий воспитания нового человека, а именно этому важнейшему делу посвящена деятельность Ленинского комсомола.

Су КЕТЬЯ

Виктор БУЛЕН БАБА

Ольга БАРАБАШ

Хамидулла КЕШТМАНД, Демократическая Республика Афганистан.

Первый советский человек, с которым я познакомился, был инженер. Он строил домостроительный комбинат в Кабуле. Инженер в дореволюционном Афганистане был очень важный человек, очень богатый человек. В нашей семье не было знакомых инженеров, мы даже не видели никогда таких людей. А советский инженер, его звали Николай, был простой человек, он отдал нам, мальчишкам, настоящий кожаный мяч, учил нас играть в футбол. От него я узнал много русских слов.

Теперь я живу в Советском Союзе уже три года, у меня много знакомых. Рассказать же я хочу о девушке Максуде, потому что я думаю: именно она помогла мне понять, что значит советский комсомолец.

Максуда учится на философском факультете. Я всегда удивляюсь, как она много знает, может объяснить любой вопрос по философии, политике, экономике. И объясняет она так, что человеку не становится обидно: вот она все знает, а у тебя пустая голова. Наоборот, когда ее слушаешь, начинаешь о себе тоже хорошо думать. А как она умеет слушать!.. Она на факультете занимается проблемами Афганистана и Ирана, и я ей тоже много рассказываю о моей стране.

Иногда я думаю, у нее не двадцать четыре, а сорок восемь часов в сутках: она все успевает. Выучила и хорошо знает испанский, сейчас учит дари (мы с ней вместе занимаемся, она мне помогает с русским, а я ей с дари), у нее много общественной работы и всегда есть время для друзей, если им нужно с ней поделиться радостью или бедой.

И еще мне удивительно, что она, женщина, будет преподавать философию, читать лекции. Я ей как-то сказал об этом, а она засмеялась (я вспомнил инженера Николая, у него тоже был такой открытый, необидный смех) и сказала, что в Советском Союзе во всех профессиях много женщин. Максуда познакомила меня со своей мамой, у нее мама узбечка, а отец таджик, родилась Максуда в Казахстане, а теперь живет в Москве. Родители ее живут в Душанбе.

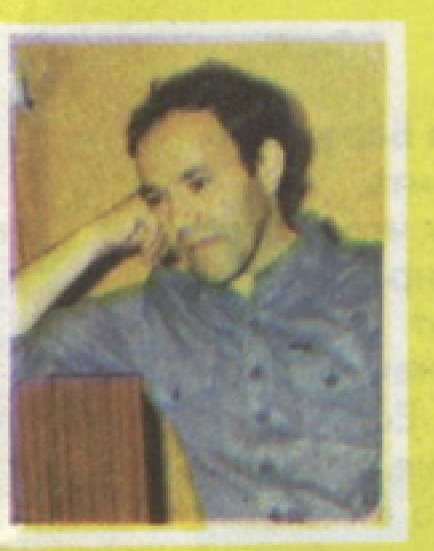
Во время каникул Максуда работала в строительном отряде. Их отряд девушек заменил на лето продавцов в магазине. Я приходил смотреть, как она стоит за прилавком. Мне было интересно, как она, без пяти минут выпускница самого знаменитого университета, чувствует себя за прилавком. Я у нее спросил: «Тебе не надоело, ты не устаешь?» Она сказала: «Что ты! Это же так интересно, столько людей, я хочу, чтобы каждый ушел, не испортив себе настроения. А для этого надо самой поупражняться в психологии».— «А тебе не обидно стоять за прилавком?» Она только удивленно посмотрела на меня, и я понял — глупый вопрос задал.

Когда я рассказываю о Максуде дома, в Афганистане, у меня спрашивают: «Какой она национальности?» Я говорю: «Она советская». Спрашивают: «Какой она человек?» Я отвечаю: «Она комсомолка».

Мария МАГДАЛЕНА, Бразилия

Когда я приехала в Москву и узнала, что буду учиться вместе с ребятами из 107 стран мира, я сразу почувствовала, что здесь я найду друзей и смогу много узнать о разных странах. Наш университет — маленький большой мир со всеми его радостями, заботами и проблемами. По нашей жизни, по настроению наших студентов можно определить, что происходит сегодня в мире, где праздник, а где беда. Я сразу же подружилась с советскими ребятами. Мне нравится их искренность, их активность и организованность, умение дружить и помогать друг другу. И еще одно мне бросилось в глаза: они с какой-то особой теплотой и

К 65-летию Ленинского комсомола

Хамидулла КЕШТМАНД

Фарид Хатем ШАХАФ

Мария МАГДАЛЕНА

Ом Прокаш ШРИВАСТАВА

Амрита АРЬЯЛ

вниманием относились к ребятам, которые до приезда на учебу в Москву участвовали в борьбе за свободу своей родины или за национальное освобождение. Это прекрасные и мужественные парни и девушки. Они не раз встречались со смертью, на их глазах гибли друзья, некоторые потеряли родных в борьбе за свободу. Я и сама всегда стараюсь им чем-то помочь.

Однажды я узнала, что один из наших никарагуанских друзей собирается вернуться на родину. Почему? Он ответил мне: «Потому что я не могу спокойно учиться, когда моя страна в опасности. Во время одного боя с сомосовцами бомба разорвалась рядом со мной, погибли мои друзья. Их смерть была не напрасна: Никарагуа победила. Революцию, за которую отдали жизнь мои друзья, надо защищать. Поэтому я должен вернуться». А потом, когда шли бои в Ливане, мы узнали, что несколько наших палестинских и ливанских студентов собираются на фронт. Я видела, как волновались наши преподаватели, советские ребята. Они часто вспоминали войну, которую вынес советский народ и страна. Грустно вспоминать и теперь день, когда наши товарищи уехали. Как мы все ждали от них вестей, как радовались их возвращению в университет! Но вернулись не все.

Прошло уже два года как я в Москве. Время идет так быстро! Конечно, я скучаю по родине. Не знаю, как сложится моя судьба после возвращения на родину. Я знаю одно: все знания, которые я получу в Москве, я отдам моему народу. И никогда не забуду наш университет, доброту, внимание, заботу моих советских друзей.

Виктор БУЛЕН БАБА, Судан

Познакомился я с моим советским другом при не очень веселых для меня обстоятельствах. После жаркого и сухого климата у меня на родине я долго не мог привыкнуть к московской зиме, сильно простудился и попал в больницу.

Немного растерявшись, стоя в дверях палаты, я представился и назвал свое имя. Тогда самый молодой из всех, кто был в палате, сказал: «Ну что же, Вить, проходи, давай чай пить». С тех пор все в больнице стали называть меня Витей. А парня того звали Колей, с ним я и подружился с первого дня. Я узнал, что ему 21 год, что живет он вместе с женой, маленьким сыном и мамой. Школу он окончил четыре года назад, теперь работает и очень доволен своей работой. В Коле я нашел те человеческие черты, которые, как мне казалось раньше, невозможно найти в одном человеке, черты, которые необходимо иметь всем хорошим людям: доброту, скромность, простоту, сознательность, честность, дружелюбие, человечность. Мне очень нравится его веселый, общительный характер, благодаря которому наша дружба началась без настороженности друг к другу, как это часто бывает между иностранцами.

Все сорок дней, что я провел в больнице, я чувствовал себя так, как будто находился среди своих земляков. Врачи, сестры, больные относились ко мне заботливо и внимательно. Почти все больные в нашей палате были рабочие. Это были очень добрые и простые люди. Чем-то они напоминали мне наших суданских рабочих с завода, на котором я работал до приезда в Москву. Когда их навещали родственники, они знакомили меня с ними и всегда старались угостить меня чем-нибудь домашним. На моей тумбочке лежало больше фруктов, сладостей, домашних пирожков, чем у всех других в палате.

Николай выписался из больницы на две недели раньше и, хоть жил далеко от больницы, всегда находил время навестить меня. Чтобы не потерять друг друга в большом городе, мы обменялись адресами. Как только я вышел из больницы, я сразу написал Коле письмо и пригласил его к себе в гости в общежитие. А потом он пригласил меня к себе домой. С женой и мамой Коли я познакомился еще в больнице. Колина мама очень добрая и веселая, и я сразу понял, что между матерью и сыном много сходства в характерах. Мама часто разговаривает со мной, расспрашивает о моей семье. Жена Коли Люся занимается малышом и всякими домашними делами и всегда старается приготовить для меня что-нибудь вкусное. А годовалый сын Коли и Люси привык ко мне, улыбается, когда видит меня, и охотно идет ко мне на руки, чему я всегда радуюсь, потому что очень скучаю по своим младшим братьям.

Я много читал о комсомоле, и все, что я знаю теперь о советских комсомольцах умного и доброго, я нашел в своем друге. Я думаю, многие люди, живущие в разных уголках Земли, могли бы так же просто подружиться, как это сделали мы с Николаем. Ведь дружба — это мечта человечества.

Ом Прокаш ШРИВАСТАВА, Индия

Если бы меня спросили, что самое трудное для меня, я, наверное, ответил бы: рассказать о моем лучшем друге. Представьте, что случилось со мной сегодня. Преподаватель сказал нам, чтобы мы написали заметку о самом хорошем и близком друге. Я пришел к себе в комнату и стал писать. Когда я закончил, ко мне пришел Николай, мы с ним поговорили, и он ушел, а я подумал: почему я написал об Игоре, а не о Николае? Вдруг кто-то постучал в дверь. Пришел Сергей, принес мне конспекты к завтрашнему семинару. Он удивился, что я еще и не начинал готовиться. Когда он ушел, я подумал: Сергей всегда обо мне заботится. И начал писать заново. За дверью я услышал очень приятный голос. Я открыл дверь и увидел красивую девушку Ольгу. Она спросила, все ли у меня в порядке, почему такой растерянный вид, а я сам удивился, почему я не написал об Ольге. И вот я в который раз принялся переписывать свою заметку. А потом подумал: разве будет справедливо, если я напишу только об Ольге и не вспомню Игоря, Николая, Сергея?

Тогда я взял и написал про всех своих друзей, спрятал заметку в чемодан и спокойно заснул.

Мы живем как одна большая семья. Один мой товарищ сказал, что люди ссорятся, когда любят друг друга, хотят человеку лучшего. Например, меня всегда ругают, что я не берегу свое время. Я, конечно, могу сказать — как хочу, так и трачу, мое ведь время. Но я так не говорю, понимаю, для меня говорят, чтобы мне было лучше. В нашей студенческой семье мы не ссоримся, мы спорим. И как в семье трудно сказать, кого больше любишь, старшего брата или младшего, так и мне трудно сказать, кто мой лучший друг.

Су КЕТЬЯ, Кампучия

Осенью, когда мы, кампучийские студенты, прилетели учиться в Советский Союз, в Москве часто шел дождь, дул ветер. Желтые листья падали с деревьев на землю, и казалось, что деревьям одиноко стоять без листьев.

Прилетели мы с опозданием, когда занятия уже начались. Мне назвали комнату в общежитии на четвертом этаже, где я буду жить. Я открыл дверь и увидел в комнате трех человек. Я растерялся и не мог сказать ни слова, так и стоял на пороге. Один из ребят сразу встал, подошел ко мне, взял мою сумку, что-то сказал и жестом предложил войти. Другой заговорил со мной по-французски. Я очень смущался, но ребята быстро приготовили чай, усадили меня, и мы проговорили до поздней ночи. Послушал бы кто-нибудь нас. Два студента из Африки говорили со мной по-французски, а Сергей, советский студент, по-русски. И мне переводили. Я очень хотел быстро выучить русский язык, чтобы самому говорить с Сергеем, он мне понравился сразу, у него такая добрая улыбка. Я знал уже много слов, но говорить боялся. Мне казалось, я скажу что-нибудь, а все будут смеяться, потому что у меня вначале с произношением не ладилось. А Сергей, я даже не могу объяснить, как он это сделал, помог мне перестать бояться. Он сам говорил со мной по-русски, и вначале я понимал только его, и Сергей меня слушал так хорошо, внимательно, будто я говорю необыкновенно умные вещи. И я поверил в себя.

Сейчас мы живем в разных комнатах, но по-прежнему много времени проводим вместе. Мой брат Сергей, так я называю его, помог мне войти в нашу интернациональную студенческую семью, теперь у меня много друзей. Но я помню, как мне было одиноко в первые дни, и сам стараюсь, как Сергей, помогать новичкам.

Али Абдулла ЯССИН, НДРЙ

Хочу рассказать о том, как я познакомился с молодыми советскими рабочими. Случилось это во время прошлых летних каникул. Я решил никуда не уезжать, а остаться в Москве, которую мы, арабские коммунисты, называем «Мать мира», по-нашему, конечно. Я давно хотел узнать Москву получше, но остаться просто так, без дела, нехорошо. Тут я и увидел у нас на факультете объявление о том, что формируется студенческий строительный отряд, который будет работать в Москве. Меня направили на строительство дороги.

В восемь утра мы выехали на работу. Нас было много ребят из разных стран, в том числе и наши товарищи, советские студенты. Меня определили в бригаду и выдали рабочий костюм. Здесь-то я и познакомился с моим мастером Сашей. Мне было немножко смешно, потому что он меня все время жалел, а самому только 24 года. У меня и действительно сначала ничего не получалось. Прошло три дня, но работать я лучше не стал. На четвертый день мой мастер пошел после работы вместе со мной.

— Давай я тебя провожу.

Идем, говорим о том о сем, и вдруг Саша спрашивает:

— Послушай, может, тебе деньги нужны? Если хочешь, могу дать.

— Нет,— ответил я.— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Да я же вижу, как тебе трудно. Ты, наверное, не привык к такой работе. Вот я и подумал, что ты пришел к нам подработать.

Мне было непонятно, что он за человек. Познакомились мы недавно, а он заботится обо мне, хочет денег дать. Я спросил ребят в бригаде, и они мне сказали, что характер у Саши прямой, открытый и добрый. Саша очень любит свою работу и всегда выполняет задания досрочно. Но сейчас у него не выходит все так, как он привык. Тут мне пришла в голову мысль, что это я задерживаю бригаду. Чтобы не подводить ребят, я старался работать изо всех сил, брался за самую тяжелую работу.

Прошло время, и работа моя на строительстве дороги закончилась. Однажды я сидел у себя в комнате в общежитии. Вдруг в дверь постучали. Я открыл и очень удивился и обрадовался: передо мной стоял Саша с рабочими из его бригады и еще кто-то из наших студентов. Они пришли меня проведать, узнать, как идут у меня дела.

Этот месяц на стройке стал для меня большим жизненным уроком.

Фарид Хатем ШАХАФ, Сирия

У каждого из нас были свои представления о Советском Союзе еще до приезда в Москву. И конечно, эти представления при сравнении с действительностью оказались гораздо беднее. Ведь мало слышать, что в СССР люди хорошие. А как, чем они хорошие? Я это понял неабстрактно, познакомившись с моим теперь уже другом — Максимом. Познакомились мы в библиотеке, он помог мне записаться и найти нужные книги. Бросил свои дела и целый час занимался моими. А ведь я ему совсем чужой, даже незнакомый. Мне это было удивительно, но удивляться мне еще предстояло долго. Например, Максим взял на себя заботу обеспечивать меня литературой для занятий. И всякий раз притаскивал полбиблиотеки. «Зачем мне столько? — говорю я.— Нам рекомендовали только три книги».— «Чтобы получить удовлетворение от работы». Максим считает, что, только когда хорошо знаешь предмет, тебе интересно учиться.

Еще хочу совсем маленький пример привести. Я никак не мог научиться говорить «п»,—в арабском нет такого звука. Ну ладно, думаю, понимают меня и так. А Максим меня дразнит: «Бойдем бобродим, бока не боздно». Я сержусь, а он смеется. Потом привел товарища своего, филолога, он фонетикой увлекается. Придумали они упражнения, и все прекрасно стало получаться.

Больше всего Максим злится, если кто-то говорит: «Это не мое дело, без меня справятся». Такой человек для него самый плохой. Мне кажется, я многому научился у Максима.

Амрита АРЬЯЛ, Непал

Я люблю всех моих советских друзей, но рассказать мне хочется о самой моей любимой подруге Ольге Барабаш. Однажды, когда я еще училась на подготовительном факультете, я случайно попала на концерт, где советские студенты пели песни на английском языке. Когда я вошла в зал, на сцене пела девушка. Она очень понравилась мне. А когда начался новый учебный год и собралась наша группа, я увидела эту девушку. Она сказала: «Я — Оля Барабаш». Можете представить, как я была рада, потому что, когда человеку кто-то нравится и наконец он может познакомиться, это, конечно же, большая радость. Есть в нашей группе и другие девушки из разных стран, но я сама не знаю, почему я так привязалась к Ольге. Может быть, за ее любовь ко мне. Результат ее помощи — моя отличная учеба. Мы всегда вместе: и в общественной работе, и когда гуляем или отдыхаем. Сейчас мне уже не так трудно, но она по-прежнему со мной, как будто я ее младшая сестра. Наша дружба будет крепкой и всегда живой, даже когда я вернусь на родину и мы с ней будем далеко друг от друга.

Ольга БАРАБАШ, СССР

Как интергрупорг, я должна была знать, где и как живут студенты нашей группы. Зашла я и к Амрите. Она угостила меня чаем, показала фотографии родителей, друзей, рассказала о школе, в которой училась. Вскоре мы подружились с ней. Из любого затруднения она выходит благодаря своему твердому характеру и чувству юмора. Когда смотришь на нее, удивляешься: откуда в этой хрупкой девушке столько энергии? Она заводила в нашей группе, но при этом очень дисциплинированный и обязательный человек. Что бы ей ни поручали, всегда можно быть уверенной, что она выполнит все добросовестно и в срок. Удивительно, как она, обладая таким живым, непоседливым характером, может еще и отлично учиться. Я видела, с каким упорством она заучивала наизусть тексты на русском языке. Произношение давалось ей трудно, особенно шипящие. Мне приходилось поправлять ее, произнося слова очень четко и используя для упражнений любую ситуацию. Например, зимой мы идем по улице и видим: из машины выходит девушка без шапки.

— Ещ-щ-ще холодно, а она уж-ж-же без ш-шапки,— начинаю я игру.

Амрита охотно подхватывает:

— Зач-ч-чем ей ш-шапка, у нее ж-же маш-ш-шина!

И мы смеемся.

Комсомол горячо поддерживает предложение братских союзов молодежи социалистических стран о проведении в 1982—1985 годах международной эстафеты патриотических дел «Память».

XIX съезд ВЛКСМ

К 40-летию Народного Войска Польского

БРАТСТВОМ СИЛЬНЫ

(XV поход Союза социалистической польской молодежи по боевым дорогам Поморского вала)

Д. ПРОШУНИНА,
наш спец. корр.

...В шести километрах от Буга, в небольшом хуторке Окопы, стоит скромный обелиск со звездой: «Александр Федорович Золотенин, родился в 1926 году, погиб 21 июля 1944 года». Это — первая пядь освобожденной польской земли и первая, как утверждают, могила на ней советского солдата. Одна из 600 тысяч. Подвиг советского воина-освободителя будет жить в сердцах молодых патриотов.

Из Отчетного доклада XIX съезду ВЛКСМ

Сегодняшняя Пила — город новоселов, город-новостройка. Все ее проспекты, улицы и бульвары построены за последние тридцать восемь лет. Даже тот десяток домов, что остался с довоенных времен, все равно новостройки: их восстановили и отреставрировали совсем недавно. Когда 14 февраля 1945 года войска 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского вошли в Пилу, города не было. Восемьдесят семь процентов зданий было разрушено до основания, у десяти процентов домов стояли только обгорелые стены. Так после освобождения Пилы оценила положение государственная комиссия.

Жители города-новостройки в основном родились после войны, они не видели своими глазами Пилу, которой не было. Но каждый из них знает, что с освобождения их города началась битва за Поморский вал, за освобождение Западного Поморья от фашистской оккупации.

Каждый год в последнее воскресенье июня на центральной площади Пилы совершается торжественное открытие похода по боевым дорогам воинов-освободителей, сражавшихся на Поморском вале. Поход нынешнего года пятнадцатый. Пятнадцать открытий похода видели жители Пилы.

Звучат фанфары. Девятнадцать команд выстроились у монумента, посвященного возвращению Поморья польскому народу. На торжественное открытие похода собрались и все жители Пилы. Если кто-то захочет поправить, мол, «почти все жители», то ошибется. Именно все — младенцы в колясках, мальчишки на крышах, старушки у окон, подложившие для удобства подушки под локти, отцы и матери семейств на складных стульях и скамейках, молодежь, готовая отстоять на ногах весь от начала до конца церемониал открытия. А в центре — полторы тысячи участников

похода: самому младшему девять лет, он отправляется в путь вместе с мамой, самому старшему за пятьдесят, и он участник всех пятнадцати походов.

Польские журналисты называют ежегодные походы по боевым дорогам Поморского вала уроками живой истории. У этих уроков нет учителя и учеников в общепринятом понимании. Здесь учитель — сама история, а все, кто участвует или хотя бы как-то соприкасается с походом, ее очевидцы и ученики.

Не случайно в программу открытия входит спектакль, подготовленный командой Пильского воеводства, в котором рассказывается о многовековой борьбе польского народа за право жить на своей земле в Поморье, борьбе с тевтонскими рыцарями, прусскими королями, германскими империалистами, борьбе, завершившейся разгромом гитлеровских фашистов на Поморском вале.

Не случайно и события сегодняшние, события XV похода, как бы фиксировались для будущего многотиражной газетой Центрального штаба похода, становясь историей, но теперь уже историей памяти народной о победах на Поморском вале. С летописной тщательностью рассказывала многотиражка о встречах с героями борьбы за освобождение Западного Поморья, с ветеранами партии, с людьми, которые восстанавливали и строили социалистическую Польшу, о подробностях маршрута, митингах, факельных шествиях, возложении цветов на могилы воинов-освободителей в Пиле, Валче, Здбице, Ходзиеже...

Для участников и местных жителей семь дней похода сделали связь истории с сегодняшней жизнью почти материально ощутимой. Абстрактное знание исторических событий наполнилось именами и судьбами, память о героях вошла неотъемлемой частью в повседневную жизнь постоянным напоминанием о долге перед теми, кто отдал свою жизнь.

XV поход по боевым дорогам Поморского вала был посвящен 40-летию создания Войска Польского, это было одно из мероприятий акции «Память», проводимой ССПМ совместно с другими братскими союзами молодежи социалистических стран. Для участия в походе была приглашена делегация ВЛКСМ, в составе которой находился и корреспондент «Ровесника».

Все дни делегации были наполнены встречами с организаторами похода, комендантами команд, работниками ССПМ, пресс-конференциями. А вечера проходили у походного костра в командах разных воеводств. Нам задавали вопросы, и мы задавали вопросы, и просто разговаривали, и пели песни, и слушали песни. Слово участникам похода — молодым рабочим, учащимся техникумов и производственно-технических училищ, служащим и старшим школьникам мы предоставим несколько позже, а пока вернемся на сорок лет назад.

Немного истории

4 января 1943 года польская писательница Ванда Василевская обратилась в Совет Народных Комиссаров СССР с проектом создания польского демократического центра на территории Советского Союза. Советское правительство отнеслось благожелательно к инициативе создания Союза польских патриотов. Союз считал одной из своих основных задач активизацию участия поляков в антигитлеровской войне и обратился с письмом к председателю Государственного Комитета Обороны (ГКО) с просьбой разрешить сформировать польские регулярные части в СССР.

6 мая 1943 года ГКО принял постановление о сформировании на территории СССР польских частей: для начала — польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, национального героя Польши. Ее командиром президиум главного правления Союза польских патриотов назначил полковника З. Берлинга. Через полтора месяца дивизия насчитывала уже более 13 тысяч человек (это были граждане Польши и поляки — граждане СССР). Московский военный округ обеспечил первую польскую дивизию всем необходимым вооружением, снаряжением и транспортом. Советский Союз снабжал польские части всеми видами довольствия по нормам советских войск.

Дивизии имени Костюшко не хватало офицеров, а те, кто был, не имели технических специальностей, столь нужных для создания моторизованных, авиационных и других частей. По просьбе Союза польских патриотов в формируемые части были направлены советские офицеры, в основном поляки по национальности.

1 сентября 1943 года, в четвертую годовщину нападения фашистской Германии на Польшу, солдаты дивизии имени Тадеуша Костюшко выехали на фронт.

Свой первый бой дивизия имени Тадеуша Костюшко приняла 12—13 октября 1943 года под Ленино, в 30 километрах на восток от Орши. За боевые подвиги солдаты и офицеры дивизии были награждены 247 польскими и 239 советскими орденами и медалями. По представлению Союза польских патриотов трем воинам дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза.

С тех пор день 12 октября — день рождения Народного Войска Польского — стал национальным праздником Польской Народной Республики.

17—21 июля 1944 года Красная Армия во взаимодействии с польскими частями форсировала реку Буг, началось освобождение польской территории от фашистской оккупации.

В Поморье гитлеровцы начали строить еще в 1934 году «укрепленный район междуречья», строительство особенно активизировалось в 1943—1944 годах. Город Колобжег был превращен в крепость, вокруг него построено три линии обороны, обращенные на восток,— они получили название Поморский вал.

29 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта и 1-я армия Войска Польского перешли бывшую польско-германскую границу в Западном Поморье. Битва за Поморский вал была одним из крупных сражений, в которых участвовали польские соединения, в завершающих боях сражалось около 200 тысяч советских и польских солдат. Разгром гитлеровцев на Поморском вале имеет историческое значение для польского народа.

Говорят участники похода

Тереза КАБАРДЖИНСКАЯ, 24 года, в походе участвует второй раз. Служащая кабельного завода

У нас дома есть фотография: моя мама, маленькая девочка, на руках у советского солдата. Они оба смотрят в объектив, и лица очень серьезные. У мамы на голове пилотка, как капор, закрывает уши.

Я слышала эту историю столько раз, будто своими глазами все вижу. Бабушка с мамой жили в Варшаве. Им все время приходилось прятаться у знакомых и незнакомых, в подвалах разрушенных домов. Маминого брата схватило гестапо (он чудом выжил в Освенциме), дедушка ушел на восток и был в Войске Польском. Бабушка боялась, что фашисты схватят их и убьют. Бои уже шли под самой Варшавой, и было обидно не дождаться своих. В общем, подвал, где они прятались, засыпало при артобстреле. А бабушка там нашла какую-то трубу и все стучала по ней. Этот солдат (бабушка помнит, что его Васей звали, а фамилию забыла, то ли Анисимов, то ли Аникин, она потом долго писала всюду, искала его, но найти не удалось) услышал стук, привел своих, и саперы откопали подвал, а мама уже без сознания. Вася схватил маму на руки и побежал, а бабушка только поняла, что в госпиталь, а успеть за ним не может: ослабла очень. Ее другие солдаты довезли на машине. В советском военном госпитале выходили и маму и бабушку, а Вася навещал их. Когда часть уходила из Варшавы, он пришел проститься, и военный врач сфотографировал маму (ей шесть лет) и солдата на память. У Васи этой фотографии нет. Тогда такое время было, что люди не могли свой адрес оставить, не было адреса.

В нашей семье помнят о войне, хоть уж почти сорок лет прошло, как будто вчера все было. И мама и бабушка мне постоянно говорят: «Ты все должна знать и помнить. И детям своим рассказывать. Такое забывать нельзя». У бабушки была большая семья, девять сестер и братьев, а войну пережили только они с мамой. Остальные все погибли.

Я думаю, память — это не просто знание прошлого, это выбор пути для себя сегодня и всегда, это честность.

Надо быть абсолютно честной в отношении к работе, к людям, к своим обязанностям, к себе самой. Я не хочу сказать, что я уже такая, но я должна быть такой. У нас сейчас есть у некоторых людей такое отношение к государству: вы мне должны дать хорошую жизнь, а я ничего не должен. Такой человек сознательно записывает себя в потребители, а потом жалуется, что ему плохо. Вы обратили внимание, что потребителям всего мало и всегда скучно. Или бывает, что человек видит недостатки и молчит. Не хочет связываться. Это тоже нечестность. Поэтому я думаю, что честность в мирной жизни — это все равно что храбрость на войне.

Малгожата БРОДЯНСКАЯ, 17 лет, в походе участвует первый раз. Портниха на фабрике женской одежды

В нашей семье часто говорят о том, что было во время войны. Дед погиб в первые же дни, а бабушка с мамой жили в деревне, к востоку от Варшавы. Когда фронт стал приближаться, они слушали канонаду и радовались. Пришли советские солдаты, врачи сразу всех больных переписали, потом лечили, а кто тяжелый, даже в госпиталь клали.

Я где-то читала, что на войне люди не бывают добрыми, там, мол, каждый думает, лишь бы выжить. По-моему, это неправильно. В походе мы обошли все дома национальной памяти на Поморском вале. Их семь. И в каждом таком доме-музее мы узнавали о героях, которые штурмовали фашистские укрепления. Эти люди не думали: лишь бы выжить, любой ценой. Они думали о будущем, о том, чтобы на освобожденной от фашистов земле люди жили доброй, честной жизнью. Мы ходим в походы по местам боев, чтобы воздать им память, возложить цветы на могилы. Но этого ведь мало. На нас лежит забота, чтобы жизнь, которой мы живем, была достойна памяти наших героев. И я согласна с Терезой, что надо быть честной. Но, по-моему, еще обязательно и доброй. Советские солдаты пришли в деревню, где жила бабушка, и сразу стали работать: кто крышу починил, кто колодец отремонтировал, кто печь в порядок привел. Они видели столько ужаса, но сохранили в себе доброту, человечность. Нашему поколению об этом не забыть.

Анджей ЗВАРА, 18 лет, в походе участвует второй раз. Ученик производственного обучения городского транспортного предприятия

Я о войне знал только из учебников. Перед первым походом я немного почитал о том, что такое Поморский вал. Но хочу вам сказать, что никакая книга не производит такого впечатления, как то, что видишь собственными глазами. Я в походе второй раз и еще пойду. Мне трудно вам объяснить, что я чувствую, но я думаю — это мой долг.

Мы были на кладбище польских и советских воинов-освободителей Пилы. Я отстал от своих, один ходил по дорожкам. Там у этих гранитных плит лежат полевые цветы, есть совсем засохшие, а есть еще почти свежие. А на плитах имена и даты: рождения и смерти. И очень много: 1925—1945. Это же мои ровесники! Некоторые умерли в июне, даже в августе — значит, в госпитале. Уже в мирное время! Я такого просто не могу представить. Такого не должно быть. А кто-то сказал: «Они все же знали, что Победа!»

Когда в школе были уроки истории, мне всегда казалось, что воевали, освобождали Польшу какие-то другие люди, не такие, как мы. Они были сильные, ничего не боялись...

Там, на кладбище в Пиле, я понял: может быть, им было страшно и очень холодно, ведь Пилу освободили в феврале, конечно, они думали о доме и хотели вернуться домой. Но это все было для них не самое важное. А самое важное было боевое братство. Каждый должен был выполнить свою часть военной работы, чтобы не подвести брата, который рядом. И мне кажется, вот этим военным братством они были сильны, оно помогло им выстоять и победить.

Мы провели в походе вместе всего несколько дней, но все равно у нас тоже есть свое походное братство. Мы поняли, что мы наследники этих польских и советских ребят, которые прожили на земле двадцать лет, а память о себе оставили навсегда.

Тадеуш ВЛАЗКО, 20 лет, в походе участвует третий раз. Учащийся техникума механизации

В походе у нашей команды возникла своя песня. Каждый день мы придумывали новый куплет. Есть строчки и о советских солдатах, как вместе воевали польские и советские парни и теперь лежат они рядом в польской земле. Каждый участник нашей команды увезет эту песню к себе домой, ее узнают и другие ребята. Я сам тоже пишу песни. Когда вернусь домой, хочу написать о Поморском вале. В ней я хочу рассказать о солдатах Народного Войска Польского, которые вместе с нами участвовали в XV походе по боевым дорогам Поморского вала. Я хочу написать, что все мы ответственны за то, чтобы им никогда не пришлось воевать и погибать, как их ровесникам сорок лет назад.

Еще я хочу написать песню «Они должны быть всегда с нами» — о воинах-освободителях.

Пиотр ДРОЗА, 18 лет, в походе участвует второй раз. Учащийся школы механизации сельского хозяйства

По-моему, в наше время каждый должен задуматься: что он делает, чтобы не было войны? Вот я буду работать в сельском хозяйстве. Если я сделаю какое-нибудь изобретение, будет легче работать крестьянам, будет больше продукции. Если каждый внесет вклад своим трудом, наша родина станет богаче — значит, она будет крепче, сильнее. А сильная социалистическая Польша, ясно, миру на пользу.

Участие в походе помогает нам почувствовать, что значила та война для польского народа. Мы про войну многое знаем по учебникам. Можно сказать, что знание у нас лежало все равно как на полке, а жизнь шла сама по себе. А теперь они объединились. Если я услышу какой-нибудь разговор или прочту что-нибудь, теперь я смогу легче понять — это против мира, с этим надо бороться или это за мир и надо поддерживать. Такое у меня чувство.

Я думаю, наша учеба, а потом наш труд — это лучшая память о героях, которые погибли на войне с фашистами.

Витольд ФИГАВСКИЙ, 20 лет, в походе участвует второй раз, учащийся школы механизации сельского хозяйства

Мы были в музее освобождения города Пилы. Там есть стенд, посвященный советскому летчику капитану Олегу Матвееву. Внизу фотография, и на ней написано: «14 февраля летчики полка совершили 10 боевых вылетов. В этот день погиб лучший пилот и любимец всего полка капитан Матвеев Олег Ипполитович». Это страничка из газеты 1-го авиаполка «Варшава». Меня почему-то больше всего поразило слово «любимец». Такой суровый военный язык, и вдруг — «любимец». Я смотрел на его портрет, худощавое мальчишеское лицо. Был бы с нами в походе, никто бы и не подумал, что это герой, у него 42 боевых вылета. А легендарного авиаполка «Варшава», о котором знает каждый польский школьник, без таких, как Олег Матвеев, просто бы не существовало. В 1944 году лучшие советские летчики прибыли в только еще формировавшийся полк и стали инструкторами, учили наших прямо в воздухе на боевых заданиях, прикрывали неумелых.

Мне захотелось узнать, что же было 14 февраля 1945 года. В военной сводке было написано: 14 февраля в 9.43 с аэродрома в Быдгощи стартовали два Як-9 с заданием разведать ситуацию в районе Пилы. Это были капитан Матвеев и поручик Габис. Между 9.55 и 10.40 с высоты 100 метров они вели разведку и два раза атаковали наземные цели. Обстреляли и подожгли готовящийся к вылету «юнкерс». Над центром города попали под обстрел вражеских зениток. Самолет Матвеева загорелся и врезался в землю.

Я все это записал, потому что хочу дома рассказать в нашем кружке «Уроки живой истории». У нас все ребята готовят сообщение о героях войны, про которых что-то узнали.

Старые люди говорят, что памятник летчикам, погибшим за освобождение Пилы, стоит на том месте, где сгорел самолет Матвеева. Вы видели, там на постаменте — самолет. Многие считают, что это самолет Олега Матвеева, и район тот — Матвеевка, и улица имени капитана Олега Матвеева.

Наверное, в этом и есть смысл слова «любимец».

Пила — Здбице — Москва

В КОГО ЛЕТИТ ЭТА ПУЛЯ?

Дж. П. ДОНЛИВИ,
американский писатель

Американцы твердо уверены: Соединенные Штаты — лучшая страна в мире. Это именно то место, где решается судьба человечества. И еще это то место, где чертовски легко быть убитым.

Американская культура не только молода, но и этнически очень неоднородна. А в Америке все любят приводить к общему знаменателю. Американцам очень хочется представить себя единым народом. И они представляют. Очень любят говорить о том, что в Америке все равны, все имеют одинаковое право быть счастливыми. Счастье, по их представлениям, наиболее реально воплощается в потреблении материальных благ. И такое счастье доступно всем. Официант, таксист, гробовщик — каждый может почувствовать себя счастливым. Америка одурманена ощущением собственной демократичности. Все от всего свободны, у всех все есть. На лицах написано: «Я счастлив! Я спокоен! Я всем доволен!» На улице к вам подойдет человек и с улыбкой предложит яблоко. Другой пожмет руку. Просто так. Люди бегают трусцой, счастливые от сознания того, что находятся в отличной спортивной форме. И в каждой американской душе бьется радостная мысль: «Я такой же мировой парень, как и все остальные!» И вдруг на улице или в переполненной электричке какой-то тип взглядом, ухмылкой или толчком дает понять, что он — еще лучше. И за это так хочется треснуть его по башке! Но нельзя — вдруг у него пистолет. Наверное, из-за этого он и считает, будто лучше других. И совершенно напрасно. Вот возьму и тоже заведу себе пистолет, чтоб не очень-то зазнавался. И это многих сдерживает. Иначе, наверное, Америку вообще захлестнула бы волна хамства. Я тоже стараюсь быть со всеми вежлив. Как человек, очень любящий жизнь, я хочу увеличить свои шансы остаться в живых хотя бы таким образом. Вся беда в том, что далеко не все убийства в Америке совершаются в ответ на оскорбления. Есть ведь еще и люди, которые страдают от голода, нищеты, болезней. И еще более остро, чем кто бы то ни было, они ощущают собственную неполноценность. И хотят от этого чувства избавиться, стать такими же, как все. И тогда в их руках появляется оружие. С его помощью можно не только добыть много денег, но и найти свою справедливость. Потому что та, которую провозглашает закон, их не устраивает. Они в нее больше не верят. Они хотят сами вершить свою судьбу. И судьбы других. У них теперь свои законы. И они упиваются собственным могуществом, когда следят за своей жертвой через оптический прицел винтовки. А жертва об этом даже не подозревает. Мне от такой мысли всегда становится не по себе — ведь сделать-то ничего нельзя. Некому сказать: «Не надо, пожалуйста, в меня стрелять».

Однажды я прочитал в газете о каком-то психе, который развлекался тем, что сбрасывал с крыши небоскреба бетонные блоки. Внизу, ничего не подозревая, шли люди. Многие из них погибли. Следователь, который занимался этим делом, был моим давнишним приятелем. Я спросил его, что он думает о насилии в Америке. Он ответил, что счастлив, что дела обстоят так. Могло быть хуже...

Что ж, все еще впереди. А пока жизнь в Америке идет своим чередом. Люди улыбаются, делают друг другу подарки. Люди бегают трусцой. Растут дети, которые постоянно чего-то требуют. Самых разных вещей. Игрушек, автомобилей, кокаина. Потом, глядишь, переходят на героин. И получают все это от родителей, которые изо всех сил стараются воспитать детей в духе принципов, которые сами же ежедневно нарушают. А потом дети подрастают, начинают самостоятельную жизнь. И кто-то им вдруг говорит: «Нельзя!» А они к этому не приучены. Хочется — значит, можно. Особенно если под рукой есть пистолет. А он чаще всего есть. И пуля из него может полететь в любую сторону.

Именно поэтому я, американец, и предпочитаю жить подальше от Америки.

Перевел с английского Л. ЗАХАРОВ

МЕНЯ!

Николас ЛЕМАНН,
американский журналист

Политическую телерекламу так много ругают, что мне, право, хотелось бы выступить в ее защиту. Я начал бы со знаменитого ролика «Маргаритка», созданного в поддержку президентской кампании Линдона Джонсона. В той ленте девочка собирает цветы, и в это время происходит ядерный взрыв — вот они, возможные последствия голосования за противника Джонсона Барри Голдуотера[1]. Как и следовало ожидать, все «правильно мыслящие» люди Америки пришли в ужас — и Барри Голдуотер не стал президентом. Такова сила телевидения в политических кампаниях.

Увы, телерекламные ролики 1982 года из разряда «атакуй своего противника» далеки от подобного совершенства. Газета «Нью-Йорк таймс», например, в статье под заголовком «Поток грязи и денег» даже призвала установить какие-то «правила», ограничивающие политиков от «непристойностей» в выпадах друг против друга. В рекламных роликах, писала газета, как в фокусе, собрана и посрамлена вся респектабельная Америка. Что касается «потока денег», то была названа цифра — один миллиард долларов, сумма, истраченная на избирательную кампанию 1982 года. Факт, говорящий о том, что политика стала исключительно делом богатых.

Политической телерекламе ставится в вину рост влияния комментаторов, они — истинные маклеры выборных должностей. Иной умелый комментатор значит для успеха избирательной кампании гораздо больше, чем даже денежная инъекция магната. Ибо сам факт участия известного комментатора придает кампании определенный статус, развязывающий кошельки Комитета политических действий (ПАК) — основного покупателя телерекламного времени — и других важных политических доноров.

Комментаторы, как правило, не

[1] *Правительство Джонсона развязало войну во Вьетнаме, осуществило интервенцию в Доминиканской Республике. Барри Голдуотер — сенатор от штата Арканзас крайне правой ориентации.— Примеч. ред.*

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ, ИЛИ ДОПОДЛИННЫЙ АДРЕС «СРЕДОТОЧИЯ ЗЛА»

Представленные в подборке этого номера «Ровесника» материалы различны по затронутым проблемам, по времени, к которому обращены, и по жанру, в котором написаны. А все вместе составляют дополняющие друг друга штрихи к портрету американского варианта буржуазного общества, нынешние лидеры которого, как известно, объявили социализм «средоточием зла».

«Ну и что! — может спросить читатель.— Разве буржуазная пропаганда впервые пытается прилепить к социализму самые чудовищные ярлыки!» Действительно, не впервые. Со времени Великого Октября и до наших дней империализм неизменно изображает себя невинной жертвой «большевистского заговора», живущей под угрозой «экспорта революции». И хотя за минувшие 66 лет не было ни одного случая прямого или косвенного подтверждения подобных обвинений, вопли об «экспорте революции» не утихают ни на минуту.

Но, пожалуй, никогда еще эти вопли не сочетались столь откровенно с не менее откровенными попытками навязать нашему народу, социалистическому обществу буржуазный образ жизни, буржуазную «демократию», идеологию и мораль, которые предпринимает нынешний президент США и его ближайшее окружение.

Маска, как говорится, сброшена. Призывы Р. Рейгана к «крестовому походу» против Советского Союза, по существу, означают призывы к экспорту контрреволюции, к уничтожению пустившей глубочайшие корни социалистической цивилизации и, следовательно, замене ее... Но чем же?!

Либо безжизненной пустыней в результате ядерного побоища, навязываемого народам американским империализмом, либо капиталистическим «раем», приверженцем которого зарекомендовал себя американский президент-миллионер.

В 7-м номере «Ровесника» за этот год рассказывалось о характерной для империализма политике, идеологии, психологии и экономике войны, безумная цель которой — угрозой силы или применением силы остановить объективный ход истории по пути к социализму и коммунизму.

Подборка этого номера даст читателю еще одну возможность на конкретных событиях и судьбах, которые можно по праву считать типическими, взглянуть на тот реальный капитализм, капитализм без прикрас, о существовании которого, словно набрав воды в рот, помалкивают буржуазные пропагандисты.

Еще бы! Где вы услышите, в передачах каких радиоголосов, на глянцевых страницах каких «Америк» прочтете о патологии насилия, захлестнувшей города США, о комедии «демократических выборов», о травле прогрессивных деятелей культуры, о замаскированном расизме, столь изощренном и подлом, что даже откровенный расизм представляется его жертвам чем-то более «пристойным», о погоне за успехом любой ценой, ставшей нормой жизни в буржуазном обществе!

Можно было бы подумать, что приведенные свидетельства просто выдумка, если бы все они не принадлежали самим американцам. В смущении и гневе, с болью за свою страну и народ размышляют авторы публикуемых материалов о политическом, нравственном, психологическом кризисе американского общества.

«...Быть нормальным в этом обществе и есть самый верный признак безумия» — к такому выводу приходит один из них, Эдисон Гейли. К такому же выводу подводят читателя авторы других материалов, представленных в подборке. И как тут не вспомнить рассуждения Рональда Рейгана о «средоточии зла», доподлинный адрес которого президент, по своему обыкновению, перепутал.

обходят вниманием основные национальные болезни, в разумных пределах, конечно. Но делается это с единственной целью: внушить избирателям, что только рекламируемый ими кандидат, такой, например, как Рональд Рейган, знает правильный рецепт для их излечения.

Можно попытаться все это оспорить и доказать, что политическая реклама в действительности замечательна. Увы, я просмотрел двести девяносто два рекламных ролика, я обратился к сорока семи политическим консультантам с просьбой прислать свои лучшие работы по избирательной кампании 1982 года и могу заверить: политическая телереклама даже хуже, чем о ней думают.

Вся политическая реклама США построена на результатах опросов населения. Политики акцентируют внимание лишь на тех проблемах, о которых доподлинно известно, что они найдут отклик у избирателей. Например, любой мало-мальски разбирающийся в политике человек знает, что при нынешних обстоятельствах системе социального обеспечения не избежать перемен к худшему. Однако поскольку престарелые составляют многочисленную категорию избирателей, то почти каждый кандидат выступает противником каких-либо изменений в системе социального обеспечения.

Просмотрев двести девяносто две видеокассеты, я получил довольно любопытную картину одного политического года. Республиканцы и демократы с впечатляющим единодушием уверяли, что только им известен секрет, как совместить несовместимое: увеличить военные расходы, снизить налоги на корпорации, с одной стороны, а с другой — сбалансировать федеральный бюджет, покончить с преступностью и не дай бог тронуть и волосок на седой голове социального обеспечения.

Не взгляды кандидатов (ибо, как утверждали кандидаты, они придерживались всех взглядов одновременно, что, к слову, блистательно подтверждалось многочисленными примерами, когда один и тот же кандидат выступал рьяным поборником прямо противоположных точек зрения в зависимости от того, что хотели услышать от него избиратели) имели решающее значение для победы, а личная изобретательность и обаяние.

Главные пункты избирательной кампании 1982 года — замораживание ядерных арсеналов и борьба с вождением автомашин в пьяном виде. И то и другое было использовано как либералами, так и консерваторами. Я нашел себе забавное занятие, по текстам пытаясь угадать, кто из кандидатов демократ, а кто республиканец. Единственный ключик, найденный мной, таков: демократы часто упоминали все имя Рональда Рейгана, республиканцы — почти никогда.

Что касается техники рекламы, то здесь меня поразило явно возросшее участие в ней актеров. Все как в кино, где в массовки для большей жизненной правды вовлекаются домохозяйки за чашечкой кофе или завсегдатаи за кружкой пива. Подчас сам кандидат на выборную должность вообще исчезает с экрана, а если появляется, то рассказывает о том, как любит своих детей.

Ряд роликов представляет собой небольшие игровые сюжеты, в которых, например, кто-то теряет работу, некоторое время в отчаянье слоняется по квартире и по истечении тридцати секунд рекламного времени удачно устраивается на новую работу благодаря сенатору «икс». Некогда в ленте «Продажа президента 1968» кандидата в президенты Ричарда Никсона тоже рекламировали, словно мыло, но он все-таки сам высказывал свою позицию. По сегодняшним стандартам тот ролик — пример честности и содержательности политической рекламы.

Вы мне не верите? Что ж, сейчас вы сами во всем убедитесь. Итак, начнем:

Премия за фильм о лучшем почтальоне в серии «Проверь свой почтовый ящик» присуждается за ролик, сделанный по заказу Национального комитета республиканской партии. В ленте, озаглавленной просто «Почтальон», показан почтенный письмоноша при исполнении своих служебных обязанностей, который сообщает зрителям, что он один из самых популярных людей города, потому что разносит чеки социального обеспечения с надбавкой в семь и четыре десятых процента, обещанной президентом Рейганом. «И это всего лишь начало,— доверительно намекает почтальон.— Это всего лишь начало. Проклятье, дайте же парню шанс». В действительности Рейган урезает расходы на социальное обеспечение, но эта незначительная деталь нисколько не омрачает потрясающий оптимизм ленты.

Следует также отметить ролик-оппонент — «Почтовый ящик», сделанный по заказу Национального комитета демократической партии. В этой ленте нет почтальона, но обыгрывается та же тема: убогая старушка хромает к своему почтовому ящику и обнаруживает, что он пуст. «А если пособия прекратятся?» — пессимистически вопрошает диктор.

Премия за лучшее исполнение драматической роли присуждена миссис Тони Анайа, снявшейся в телерекламе своего мужа, выступающего кандидатом на пост губернатора штата Нью-Мексико. В ролике показывается, как семья Анайа укладывает чемоданы дочери, уезжающей в колледж. «Ким,— говорит миссис Анайа,— не забывай писать».— «Писать? Но куда? Сюда или в губернаторский офис?» Девушка уезжает. Миссис Анайа смахивает впечатляющую слезу и говорит мужу: «Она уехала». Вот и все. Какой смысл? Самый простой: Анайа — именно тот человек, за которого следует голосовать. И он действительно победил.

Премия за лучшую политическую песню в стиле софт-рок. Начиная с 1976 года, когда Джеральд Рафшун сочинил свой знаменитый хит «Почему б не самый лучший?», посвященный Джимми Картеру, попытки в этом направлении неоднократно повторялись, но без

особого успеха. Фирме «Хэмерофф — Майлентал инкорпорейшн», Коламбос, штат Огайо, удалось довольно близко подтянуться к чемпиону. Выпущенная ею песня «Я забочусь об Огайо» посвящена демократу Ричарду Силесте, впоследствии и ставшему губернатором штата Огайо. Вот эта песня:

В последнее время я думаю
Об Огайо.
Думать об Огайо —
Значит для меня
Гордиться, что Огайо знают.
Огайо — мой дом.
Я хочу, чтобы Огайо был всем,
Чем должен быть.
И я думаю, что я должен сделать
Что-то для Огайо.
Я хочу видеть Огайо
Самым лучшим.
Я забочусь достаточно,
Заботясь об Огайо.
Поэтому я иду на выборы
Голосовать за Дика Силесте.
Е-е, иду на выборы
Голосовать за Дика Силесте.

(Перепечатка песни только с разрешения Хэмерофф — Майлентал.)

Премия за самое членораздельное обещание не менять систему социального обеспечения ни на йоту присуждается за ленту «Миссис Фрэнк», использованную в успешной кампании республиканца Барни Фрэнка. Ролик изображает седую женщину в глубоком кресле, которая говорит: «Все эти разговоры об урезании бюджета социальной помощи меня очень нервируют, и поэтому я голосую за Барни Фрэнка. Почему я так уверена, что Барни Фрэнк поступит правильно по отношению к нам, старым людям? — Она улыбается.— Потому что он мой сын». Устоять невозможно.

Премия за актерское мастерство в групповой драматической постановке присуждается ленте «Боссы», сделанной в поддержку республиканца Уэйна Дауди из Миссисипи. Мы видим комнату, заполненную дымом сигарет, на столе стаканы с виски, боссы совещаются. Один босс: «Мне наплевать, во что это станет. Необходимо прижать этого парня Дауди». Другой босс: «Дауди не так прост». В разговор включается третий голос, который звучит на фоне розового бриллианта крупным планом: «Мы должны избавиться от него». Дауди удержал кресло.

Премия за самую откровенную ленту присуждается фильму «Вместе» в поддержку республиканца Пита Уилсона, кандидата в сенаторы от Калифорнии. Под звуки марша, крики толпы диктор говорит: «Один человек соединил всех-всех — грандиозная калифорнийская кампания началась. На севере и на юге знают о способностях, интеллекте и делах калифорнийца Пита Уилсона. В Пите Уилсоне мы видим новую роль Калифорнии в сенате. В Пите Уилсоне мы видим возрождение великой Америки. Нас ведет человек, благодаря которому все возможно,— Пит Уилсон!» Уилсон стал сенатором от Калифорнии.

Премия за отвагу присуждается филадельфийской ленте, сделанной сторонниками демократа Джерри Спрингера, кандидата на пост губернатора штата Огайо. Спрингер смотрит в камеру и в течение тридцати секунд говорит о налогах, заканчивая единственной во всей телерекламной кампании честной фразой: «Наш бюджет все еще в дефиците, а вы хотите заполнить его дыры новыми школами и рабочими местами. Но тогда вы требуете увеличения государственного налога на доходы предпринимателей. А урезать налоги на корпорации и ждать улучшения социальных условий — это бег за двумя зайцами». Спрингер с треском провалился.

Премия Буратино. В этой категории главный вопрос состоял в том, дать ли карикатуру самого Буратино или показать противника, нос которого удлиняется с каждой высказанной ложью. Лента в поддержку кампании Джона Сунуну за губернаторское кресло штата Нью-Гэмпшир с успехом реализовала второй, более сложный с технической точки зрения подход. На экране — противник Сунуну Хьюг Галлен выступает с трибуны. «Полуправда,— говорит диктор, и нос Галлена начинает расти.— Искажение фактов.— Нос продолжает расти.— Ложь».— Нос не умещается на экране. Сунуну победил.

Премия за лучшее знание истории. В первые месяцы после выборов 1980 года республиканцы много говорили о том, как пятьдесят лет назад американская политика зашла в тупик и возник «новый курс» президента Рузвельта (имеется в виду Великая депрессия и программа президента Франклина Делано Рузвельта по созданию рабочих мест.— Р.). Судя по рекламным роликам 1980 года, «новый курс» получил новую жизнь. В то время как республиканцы избегают упоминания данной темы, демократы всячески обыгрывают нынешнюю и прошлую депрессии. Лучшая из этой огромной группы лент — «Государственная безработица», сделанная по заказу Национального комитета демократической партии. Камера медленно движется вдоль очереди безработных. «Высокий уровень безработицы идет на снижение, говорят республиканцы, — произносит диктор, изображение становится черно-белым, люди в очереди теперь одеты по моде тридцатых годов.— Еще бы, процветание в двух шагах! Республиканцы обещали это и раньше. Тогда президентом был республиканец Гувер».

Премия за лучшую рекламу политической рекламы присуждается ленте, в которой демократ Эдмунд Маски просматривает некоторые ролики республиканцев (включая победный ролик «Почтальон»), оборачивается к камере и с отвращением говорит: «Не все думают так, как говорят эти актеры». Далее на экране появляются «люди с улицы» и говорят на тему, представленную в «Почтальоне». Обвиняя «актерство», эта лента как бы утверждает, что все сказанное реальными людьми обязательно правда, но, увы, и они говорят вещи не менее фантастические, чем почтальон.

Сокращенный перевод с английского В. СИМОНОВА

ОНА УМИРАЛА СТО РАЗ

Кэрри РИКИ,
американская журналистка

Говард Хокс, кинорежиссер, обычно не склонный расточать похвалы, вспоминая на склоне лет о Фрэнсис Фармер, говорил: «Она была талантливее всех, с кем я когда-либо работал. Высокая блондинка с великолепной фигурой, звучным голосом, Фармер была неотразимо привлекательна и удивительно искренна».

Фильм Хокса «Приди и возьми» вышел на экраны в 1936 году, и Фрэнсис сразу же стала звездой, приносящей наибольший доход компании «Парамаунт». Критики предсказывали: «Фармер будет столь же великой, а может быть, и более великой, чем Грета Гарбо». Через год — новый взрыв неистового восторга, вызванный исполнением роли Лорны Мун в пьесе Клиффорда Одетса «Золотой мальчик»: «Мир буквально лежит у ног этой молодой актрисы!» Тогда Фрэнсис было двадцать три года. Пять лет спустя она стояла перед лос-анджелесским судом, куда ее доставила полиция за отказ отвечать патрульному офицеру. «Профессия?» — задал рутинный вопрос судья. «Обыкновенная дрянь»,— ответила Фрэнсис, верная своему неизменному презрению к власть имущим.

Кем же была Фрэнсис Фармер и почему сейчас о ней так много пишут, ставят пьесы, снимают фильмы? «Феномен Фармер» — только так его можно назвать — совершенно непохож на традиционные истории взлета и падения американских кинозвезд. В 50-х годах такие назидательные истории были чрезвычайно популярны. На многочисленных примерах искалеченных судеб они предостерегали юных претенденток в звезды от пагубных последствий женского честолюбия и рекламировали безупречную мораль домохозяек эпохи президента Эйзенхауэра. В некотором роде судьбу Фармер тоже можно рассматривать как «роковое» чередование взлета, падения и безвременной смерти. Однако все было гораздо сложнее. Карьера Фармер неотделима от ее политических взглядов, от ее сочувствия левым идеям. Она верила в свой талант и гордилась им больше, чем своей исключительной красотой; способности Фрэнсис выделяли ее среди множества «прелестных блондинок». Ее жажда творчества прямо-таки ошарашивала голливудских магнатов, приходивших в отчаяние от того, что она больше времени тратила на вживание в образ, чем на создание собственного «имиджа». Ранний успех Фрэнсис был омрачен ее тщеславной матерью Лилиан. Их отношения особенно ожесточились, когда после психического срыва суд постановил отдать Фрэнсис под опеку матери.

Отказ Фрэнсис возобновить «вонючую» карьеру в Голливуде привел Лилиан к убеждению, что ее дочь сошла с ума, Фрэнсис попала в лечебницу и стала подопытным кроликом для психиатров. Доктора пытались «вернуть в норму» выдающуюся женщину... После «лечения» Фрэнсис жила в одиночестве в Юреке, штат Калифорния. В конце концов ее разыскали, уговорили вернуться в Голливуд и сняться в позорном фильме «Это твоя жизнь». Торгаши, которые помнили ее лицо, не поняли, что душа ее опустошена. Последние десять лет своей жизни Фрэнсис прожила в Индианаполисе. Она умерла в 1970 году от рака горла, причиной которого было злоупотребление медикаментами, предписанными ей психиатрами. Но Фрэнсис умерла не однажды, она умирала сто раз.

Три образа Фрэнсис Фармер: на верхнем снимке Фрэнсис — голливудская кинозвезда; внизу актриса Джессика Ланж в роли Фрэнсис в одноименном фильме (фильм «Фрэнсис» демонстрировался на XIII Московском международном кинофестивале, и Дж. Ланж получила приз за лучшее исполнение женской роли); на среднем — Фрэнсис Фармер в калифорнийской тюрьме.

Фрэнсис Фармер родилась в 1914 году в Сиэтле. Детство ее пришлось на годы, когда в стране ширилось рабочее движение, когда «Индустриальные рабочие мира» [1] добились определен-

[1] *«Индустриальные рабочие мира» — прогрессивная профсоюзная организация.— Здесь и далее примеч. пер.*

ных уступок от предпринимателей, когда в Сиэтле проходили массовые выступления в защиту Советской России. Отец Фрэнсис был адвокатом довольно левых взглядов, но родители разошлись, и девочка жила с матерью.

Мать Фармер — Лилиан была из тех ура-патриоток, которым ничто не доставляло большего удовольствия, нежели возможность увидеть свое имя в газетах. Она постоянно вела всевозможные чепуховые кампании (например, ратовала за введение обязательных норм калорийности в закусочных Сиэтла). Во время первой мировой войны Лилиан Фармер занималась скрещиванием цыплят род-айлендских красных, белых леггорнов и голубых андалузских, надеясь вывести красно-бело-голубых (цвета американского флага) кур и назвать их «Птица Америки» (Лилиан мечтала, чтобы «космополитический» орел в национальном гербе США был заменен на «патриотическую» курицу). Ее амбиции подогрела шестнадцатилетняя Фрэнсис, победив в конкурсе студентов колледжей. Фрэнсис написала не по летам глубокомысленное сочинение «Бог умирает». В нем Фрэнсис учинила допрос самому господу богу. Какими «высшими» мотивами он руководствовался, когда позволил умереть родителям ее подруги и в то же время внял ее мольбам найти потерянную шляпку? Поначалу местные газеты горделиво трубили о выигранной Фрэнсис 100-долларовой премии, но после того, как церковники обвинили ее в богохульстве, те же газеты прозвали Фрэнсис «скверной коммунистической девчонкой».

После окончания колледжа Фрэнсис поступила в Вашингтонский университет, где изучала журналистику и драматическое искусство. Она стала посещать театральный кружок, руководитель которого рассказывал студентам о знаменитом «Груп-тиэтре»[1]. Фрэнсис читала Станиславского, ее привлекали пьесы общественного содержания. (Когда Фрэнсис еще училась в колледже, она подрабатывала билетершей в кинотеатре. Лживость голливудских фильмов вызывала у нее отвращение.) Она мечтала уехать в Нью-Йорк и играть в «настоящем» театре.

А в это время в Сиэтле шла яростная борьба с «красными»: бдительные граждане жгли книги тех, кого подозревали в сочувствии рабочему движению, нападали на участников политических митингов, орали на всех перекрестках, что Сиэтл стал центром «коммунистического циклона».

Местная коммунистическая газета «Войс оф экшн» писала об успехах СССР в социальном и культурном строительстве и объявила сбор средств, чтобы послать студента, поддерживающего радикальное рабочее движение, в Москву. Фрэнсис уже была известна и как начинающая талантливая актриса, и как человек левых взглядов. Выбор пал на нее. Фармер была счастлива: она сможет воочию увидеть, что дает актерам система Станиславского!

Однако пресса, подстрекаемая Лилиан, подняла вой. «Советский кинжал глубоко вонзился в сердце Америки»,— заявляла Лилиан Фармер с первой полосы местной газеты. Горевала она вполне театрально.

Фрэнсис принесла в редакцию газеты «Сиэтл таймс» опровержение, в котором объясняла, что интересуется Россией не в политическом, а в культурном плане. На следующий день заголовок в газете гласил: «Она все еще намерена работать на красных».

Между матерью и дочерью разгорелась открытая война. Мамаша вопила, что мировой коммунизм собирается похитить ее дочь. Она во всеуслышание грозилась броситься под колеса автобуса, увозящего Фрэнсис в Нью-Йорк (угроза, конечно, осталась невыполненной).

Вернувшись из Москвы, Фармер дала интервью. Она говорила: «...Россия произвела на меня огромное впечатление, там есть все условия для расцвета искусства. И я искренне симпатизирую и самой стране, и ее людям».

После этого оставаться в Сиэтле стало невозможно. Фрэнсис перебралась в Нью-Йорк. Два месяца она безуспешно пыталась пробиться в святая святых — «Груп-тиэтр». Подвернулся заработок — позировать для рекламы сигарет «Честерфильд», после чего ей предложили принять участие в кинопробе на студии «Парамаунт». Фрэнсис согласилась неохотно: она не питала надежд на успех, к тому же Голливуд был воплощением всего, что она ненавидела. Однако месяц спустя Фрэнсис уже была связана с Голливудом семилетним контрактом.

Когда Лилиан узнала о том, что дочь снимается в Голливуде, обиды как не бывало. Лилиан трещала на всех перекрестках, что Фрэнсис «переросла» свое патологическое увлечение политикой и, как всякий нормальный человек, бросилась в погоню за карьерой голливудской звезды.

На студии молодую актрису заметили, ей дали роль в фильме «Слишком много родителей», а затем — одну из ведущих ролей в картине «Ритм в строю». Руководители студии без конца твердили Фрэнсис, что она должна вести себя, как подобает звезде: заботиться о туалетах, ездить в лимузине, а не в дряхлом «фордике», болтать благоглупости поклонникам. Но звезда носила платья из магазинов готовой одежды, могла сказать правду в глаза и к тому же выскочила замуж за отнюдь не знаменитого, но серьезного актера Уильяма Андерсона. В свободное время супруги не посещали приемов, предпочитая читать и усердно готовиться к каждой роли. Трудолюбие актрисы было вознаграждено: «Парамаунт» «одолжил» ее студии «Голдвин» для съемок в фильме «Приди и возьми» (прошло уже почти пятьдесят лет, но ее игра до сих пор поразительно современна). Фильм имел огромный успех, и спустя год после того, как ее объявили «скверной коммунистической девчонкой», Фрэнсис стала для всей страны олицетворением Золушки. Но и этот титул был ей тесен.

Компания «Голдвин» устроила грандиозный просмотр фильма «Приди и возьми» в Сиэтле, в родном городе Фармер. Местные журналисты поработали вовсю. Лилиан раздавала интервью налево и направо: «Моя дочь покинула Сиэтл парией и возвратилась звездой!» Однако Фрэнсис вела себя как жестокая падчерица. «Вы не забыли меня? — язвительно спрашивала она репортеров.— Я та самая чокнутая!»

Фрэнсис Фармер дорожила только двумя вещами: истиной и искусством. Они были для нее нераздельны. Она пугала многих своих коллег по Голливуду чрезмерным трудолюбием. Они удивлялись, почему она стремится понять образ, обогатить его, а не просто сыграть роль, как хочет режиссер. «Не понимаю,— жаловалась Фрэнсис,— зачем нужно подслащивать характер, когда гораздо интереснее сказать о нем правду?»

Фильмы «Отлив» и «Исключительный» укрепили репутацию Фармер как актрисы, которая обращает в золото все, к чему прикасается. Она яростно трудилась и... продолжала игнорировать голливудские правила: упрямо отказывалась давать интервью, в свободное время собирала средства для республиканской Испании, выступала на митингах, требуя улучшения условий жизни сельскохозяйственных рабочих. Она отдавала большую часть своих денег на такого рода дела, а сама жила очень скромно.

Лилиан пока только злобно шипела.

Очередное столкновение с фирмой «Парамаунт» произошло, когда Фрэнсис просила перерыва в контракте для того, чтобы играть летом в театре. Ей наконец-то предложили роль Лорны в пьесе Клиффорда Одетса «Золотой мальчик» в ее любимом «Груп-тиэтре». Золотая актриса снискала восторженные отзывы в прогрессивной печати, и этот спектакль был наивысшим успехом «Груп-тиэтра», как кассовым, так и творческим. Фрэнсис была счастлива.

Лилиан и ее единомышленники, сиэтлские консерваторы, увидели в этом поступке Фрэнсис подтверждение своим самым мрачным подозрениям: как мог нормальный человек променять роскошный Голливуд на какой-то «Груп-тиэтр»?

В наказание за «измену» фирма «Парамаунт» стала использовать Фармер на второстепенных ролях и нелепо «одалживать» ее другим кинокомпаниям. Ее вынудили принимать лекарство, способствующее похуданию. В те годы еще не знали, что это лекарство может вызывать патологические реакции, а в некоторых случаях даже быть причиной смерти. Во время одного из

---

[1] *«Груп-тиэтр» — один из самых прогрессивных театров США тех лет. Режиссеры и актеры этого театра опирались на систему Станиславского.*

приемов Фрэнсис немного выпила. И той же ночью была арестована за вождение автомашины в нетрезвом виде. Отличавшаяся крайним непочтением к властям, Фрэнсис поскандалила с полицейским. Будь она мужчиной, подобная история могла бы создать ей громкую, хотя и сомнительную славу. Для женщины в те годы это означало конец.

Голливудский сценарист Дэлтон Трамбо вспоминает: «Они вознамерились добить Фрэнсис, и она знала это. Кто они? Полицейские. Почему? Из-за политики, из-за ее поддержки мигрирующих рабочих. Они хотели выставить ее на всеобщее посрамление и наконец получили такую возможность». Когда актрису привели в суд, судья, рассердившись на ее саркастические реплики, в отсутствие адвоката (а это нарушение закона) приговорил Фрэнсис к 180 дням заключения.

Согласно закону психиатр может потребовать установления вменяемости подсудимого. Врач Томас Леонард прочитал в газетах о суде над голливудской звездой и решил сделать себе на этой истории имя. Его усилиями Фрэнсис поставили диагноз маниакально-депрессивный психоз и в январе 1943 года заключили в психиатрическую лечебницу. В доказательство ее психической неуравновешенности приводились и образ жизни, и политические взгляды, и отсутствие внушительного счета в банке. С согласия матери ей была назначена шоковая терапия. После лечения мать увезла запуганную, отчаявшуюся Фрэнсис в Сиэтл.

Исстрадавшаяся, растерянная дочь уже не была «маленькой сестричкой», как ее когда-то жеманно называла Лилиан. Зимой 1943/44 года, незадолго до своего 30-летия, Фрэнсис решила окончательно порвать с Голливудом и обратиться к своему первому увлечению — литературе. Когда мать узнала об этом решении, она укрепилась в своих опасениях: кто, как не полный безумец, мог отказаться от воплощения «американской мечты»? Лилиан обратилась в суд с просьбой поместить дочь в психиатрическую лечебницу.

Судья Фрейтер, председательствовавший на заседании, которое должно было определить психическое состояние Фрэнсис, прославился преследованием профсоюзов. Он был твердо уверен, что Фрэнсис ненормальная: она же левая! В качестве эксперта на заседании присутствовал д-р Дональд Никольсон, вашингтонский психиатр, знаменитый своей «теорией», что все радикальные деятели — сумасшедшие. Доктор Никольсон заключил Фрэнсис в Стэйлэкум, лечебницу, про которую говорили, что она ничем не лучше гитлеровских концлагерей. В Стэйлэкуме Фрэнсис подвергали электрошоку, держали по восемь часов в ледяной воде, это называлось «гидротерапией». В конце концов, Фрэнсис сдалась и согласилась с докторами, что все ее поступки были вызваны болезнью: так отчаянно она стремилась выбраться оттуда.

Ее отпустили под опеку матери. Лилиан тут же созвала пресс-конференцию, но дочери это испытание показалось столь унизительным, что она сбежала. Лилиан разыскала блудную дочь и снова отправила ее в Стэйлэкум.

За пять лет пребывания в Стэйлэкуме Фрэнсис испытала все муки, какие только может выдумать злоба и месть (например, служители устраивали просмотры старых фильмов с ее участием, на которые они притаскивали Фрэнсис, чтобы показать ей ее ослепительное прошлое), ей вводили новые, еще не испытанные наркотики, на ней опробовали новые виды терапии. Но ее разум не желал сдаваться.

В 1947 году, в период разгула комиссии по расследованию антиамериканской деятельности[1], Лилиан снова захватила несколько строчек в газетной колонке. Она поведала репортеру местной «Таймс» «нерассказанную историю» о том, как Фрэнсис стала «жертвой пропаганды коммунистических и прокоммунистических организаций».

В 1949 году (хотя об этом нет никаких записей) Фрэнсис, по-видимому, подвергли трансорбитальной лоботомии[2] (эта операция не оставляет шрамов: скальпель вводят через глазную щель). Никто не знает точно, что же произошло на самом деле, однако, когда в 1950 году Фрэнсис Фармер выпустили из Стэйлэкума, это уже была совсем не та активная, принципиальная и прямолинейная женщина, какой она была раньше.

История жизни и гибели замечательной актрисы послужила основой фильма «Фрэнсис» с Джессикой Ланж и Сэмом Шепардом в главных ролях, который выпустила в декабре 1982 года студия «Юниверсал»; телефильма «Наступит ли когда-нибудь утро?», снятого компанией Си-би-эс; фильма «Одержимая», который сейчас снимает независимая студия. Беспрецедентный случай, когда теле- и кинокомпании и независимая студия одновременно обратились к одной и той же теме.

Следует заметить, что, хотя Фрэнсис презирала фильмы, в которых она снималась, ее работы остаются образцом такой живой и незабываемой игры, о которой может мечтать любая актриса.

Перевела с английского
А. ГРАЧЕВА

[1] *Ее возглавлял сенатор Маккарти (отсюда маккартизм), выступавший за усиление «холодной войны», разжигавший антикоммунистическую истерию.*

[2] *Трансорбитальная лоботомия — нейрохирургическая операция, выполняемая при опухолях головного мозга. Автор статьи предполагает, что Фрэнсис удалили значительную часть лобных долей мозга, что привело к изменению ее личности.*

Я знаю, что я отчаявшийся, циничный человек. Кое-кто с готовностью добавит: «Да он просто сумасшедший!» Не стану возражать. Возможно, быть нормальным в этом обществе и есть самый верный признак безумия.

Тем, что люди обычно называют жизненным успехом, я обязан ненависти. Моя одиссея началась ранним утром в понедельник. Был один из тех мрачных облачных майских дней, когда улицы Нью-Йорка кажутся особенно безразличными к людским бедам. Немало таких дней я провел когда-то в своем родном городке Вирджиния в одном из южных штатов.

Давным-давно в Вирджинии я тоже искал работу, но тогда во мне не было того смятения, дрожи, открытого страха, с каким я приступил к своим поискам в Нью-Йорк-сити. Я не скажу ничего нового, повторив в энный раз, что жизнь афроамериканца на Юге во многих отношениях спокойнее его существования на Севере. Потому что можно находить некоторое утешение в откровенности врага, в знании, что все опасности, которые тебе угрожают, очевидны, не прикрыты освященной веками маской лицемерия и ханжества. Юг вызывающе откровенен в своей враждебности к черным, и мы, черные, не можем не признавать этой своеобразной честности южан.

Обвинение против Севера основано на его лживости, на лицемерности его «фасада», которые сокрушили больше надежд, породили большее отчаяние, чем все самые изощренные преступления, совершенные обитателями глубокого Юга Америки. На Юге черный — это просто негр, обреченный быть безгласной подпоркой общества с крайне жестким делением на классы и расы. Там только черные говорят о равенстве. Белые швыряются, словно камнем, словечком «место», так как в южном обществе у черного все-таки есть свое место. Правда, это место на самом дне зловонной клоаки, и все же там быть черным хотя и означает клеймо позора, но все же считается законным. Негры все же считаются людьми, а их братство означает верность своей собственной расе.

На Севере к негру относятся как к «полуфабрикату», нелюдю, дикарю, которого следует по возможности цивилизовать, очистив, отмыв от «грязи» его расы, его прошлого. На Севере вы попадаете в мир абсурда. Здесь слова и дела приходят в конфликт. Все, начиная от политиков в высших эшелонах власти и кончая студентами-первокурсниками, причитают о судьбе черных, блещут красноречием, готовят бесчисленные доклады, где выражается глубочайшая озабоченность положением своих сограждан, по воле злого случая родившихся чернокожими.

Руководитель колледжа может возглавлять комиссию по улучшению условий жизни в негритянском гетто, но и не подумает изменить условия в собственном колледже, чтобы больше оби-

ЧТО ХУЖЕ?

Эдисон ГЕЙЛИ,
американский литературный критик

тателей гетто могли учиться в нем. Политик может голосовать за законы о гражданских правах негров, но на деле будет препятствовать «слишком быстрому» продвижению по службе афроамериканцев. Студент колледжа требует терпимости по отношению к черным от других людей, но не станет выдвигать такие же требования к своим родителям или соседям.

Черный не способен найти точку опоры в этом абсурдном мире, где люди становятся жертвами собственной риторики. Такие конфликты между словами и делами приводят его к крушению всех надежд, толкают на акты отчаяния, насилия, иногда — на самоубийство. Человек не способен выжить в мире, где притворство стало нормой, лицемерие — привычной и общепринятой формой поведения. Лучше уж оказаться пойманным в паутину действительности, где люди воспринимают отведенное негру «место» как установленное самим богом условие существования миллионов черных американцев, чем биться в паутине лжи, где лицемеры и ханжи убеждены, что им судьбой предназначено очаровывать «черных дикарей» красноречием.

Дискриминация проявляется обычно тогда, когда человек начинает искать работу и впервые лицом к лицу сталкивается с работодателем. Это столкновение почти всегда оставляет в душе черного глубокую травму, усиливает антагонизм, зародившийся почти с рождения, и доводит его до той точки, когда этот антагонизм перерастает в слепую ненависть ко всему обществу. Раз возникнув, ненависть эта потом сама питает себя и разрастается, подобно раковой клетке, пока не поглотит жертву целиком. Случаи волшебного исцеления редки.

На рассвете того хмурого облачного дня я отметил в газете пять объявлений о наличии рабочего места, но каждый раз, когда я приезжал по указанному адресу, место таинственным образом исчезало. Шестую попытку я сделал на углу Деланси-стрит и Бродвея. Здесь находился маленький ресторанчик, где, если верить газете «Нью-Йорк таймс», требовался «мужчина для подсобной работы». Слова «подсобная работа» вселили в меня надежду, потому что такого рода должности предназначаются обычно для черных.

В дверях меня встретил белый человек и, приняв меня за посетителя, промолвил несколько любезных слов о погоде. Улыбаясь, я начал объяснять цель своего визита, которая заключалась не в том, чтобы купить товар, а, наоборот, в том, чтобы продать свой труд. Как только я упомянул об объявлении, мужчина резко повернулся ко мне спиной и быстро пошел к другому концу прилавка, бормоча себе под нос, что место уже занято. Почему-то даже не слова его, а поведение убедило меня, что он лжет. Я вышел из ресторанчика, пересек улицу, подождал несколько минут и, зайдя в соседний магазин, набрал номер телефона, указанный в газете. Ответил тот самый мужчина. Изменив голос, я спросил, не занято ли еще место, упомянутое в утренней газете. «Нет»,— ответил он. Тогда я спросил, можно ли зайти по поводу работы. «Да, и поскорее!» И я снова пошел в тот ресторанчик. На этот раз мужчина встретил меня, всем своим существом источая ярость. Лицо его жутко исказилось от бешенства. «Чего вам?» — прорычал он. «Я пришел наниматься на работу»,— заявил я. «Нет здесь никакой работы!» — «Но я только что звонил, и вы сказали, что место не занято. Вы велели мне прийти».

На какой-то миг в глазах его отразилось изумление, но он быстро оправился: «Здесь нет работы».

Сказав ему в лицо правду, фактически заставив его признать собственную ложь, я, наверное, одержал моральную победу. Но я остался без работы, потому что этот человек, совсем не зная меня, заранее решил, что я не должен получить ее. И гораздо больше, чем моральная победа, меня поддерживала нарастающая ненависть.

На ринге можно иногда видеть, как одного из боксеров раз за разом сбивают с ног, но он снова и снова встает, отказываясь сдаться и признать себя побежденным. У многих подобное упорство и мужество вызывает благоговение. Меня же оно не удивляет, потому что я тоже рано научился «проглатывать» жестокую боль и обиду и снова подниматься и опять сражаться на ринге, где бой может окончиться жизнью или смертью, и ничем иным.

Менее чем через пятнадцать минут после того, как мне нанесли столь сокрушительный удар, я уже снова был на ногах. На этот раз я решил попытаться купить работу.

Своеобразный штаб по продаже рабочих мест находится на узкой улочке в самой южной части Манхаттена, в нескольких футах от Гудзона. Целый квартал на этой улице занимают ветхие дома, где расположились многочисленные агентства, на законных основаниях торгующие людьми.

В течение всего дня с момента открытия в восемь часов утра и до закрытия в пять вечера в эти конторы приходят люди всех рас, чтобы предложить себя в качестве товара для продажи. В любой день здесь можно увидеть немногих белых просителей, значительное число пуэрториканцев и великое множество черных.

Я выбрал одно из самых маленьких агентств, которое в этот час почему-то оказалось полупустым. Несколько человек ждали, пока служащий проверит, нет ли для них предложений работы. Какие-то женщины выясняли, не ожидается ли на следующий день предложений о надомной работе. Вдоль обеих стен комнаты стояли пожилые чернокожие мужчины, на лицах которых можно было легко прочитать трагедию всего негритянского народа. Они с подозрением глядели на каждого вновь вошедшего, напряженно прислушивались к телефонным звонкам, униженно улыбались всякий раз, когда агент поднимал на них глаза. Ведь агент был их спасителем, который мог наградить работой хотя бы на полдня и тем самым отсрочить ненадолго голод или потерю жилья.

Меня встретила помощница, очаровательная девушка лет двадцати, с шоколадным цветом кожи, ярко накрашенная, с высокой прической, словно в изумлении вскидывавшая искусственные ресницы. Мы улыбнулись друг другу, нервничая, она докурила сигарету почти до самого фильтра, и ее длинные коричневые пальцы стали еще

темнее. Как и я, она тоже жила в постоянной лихорадке отчаяния, но она, как некий всеведущий зритель Дантова ада, каждый день смотрела на бесконечную вереницу проходивших перед ее глазами мужчин, женщин и подростков, которые не были уже людьми, а превратились в предметы продажи с аукциона, покупаемые за гроши. И она так долго уже пребывала среди этих изнуренных, опустошенных мужчин и женщин — людей-автоматов, что сама стала почти такой же изнуренной, таким же человеком-автоматом. Я пожалел ее, хотя она, наверное, пожалела меня.

Она помогла мне заполнить несколько анкет и потом, указав мне на стул, положила бланки на стол, перед коротеньким толстеньким белым человеком, чья лысая голова казалась неуместно комической в этой комнате, где смех был бы расценен как непростительное преступление.

Спустя некоторое время я уже сидел в кресле возле стола и, уставясь на лысину агента, слушал, как он описывал мне место работы, сведения о котором только что поступили в агентство. Работать предстояло в одном из ресторанов на Бродвее. Там требовался молодой человек, умеющий обращаться с кассовым аппаратом и не возражающий против длинного рабочего дня. Я заверил агента, что все эти требования меня вполне устраивают, после чего он достал несколько бумаг, и я вывел на них свое имя. Помощница дала мне фирменный бланк агентства с именем человека, к которому следовало обратиться, дружески улыбнулась мне, и я поспешно покинул эту маленькую комнатку, где, казалось, пахло мертвечиной.

Ресторан размещался в нижнем этаже крупного отеля, который как раз в то время подвергался каким-то переделкам. Я прошел мимо нескольких рабочих-негров: это были штукатуры, подручные каменщиков и подсобные рабочие, один из них указал, как пройти к управляющему. Увидя меня, управляющий вышел из-за стеклянной перегородки. Это был молодой светловолосый человек с безукоризненно правильными чертами лица, подтянутый, спортивного вида. Движения его были быстрыми и решительными. Я вручил ему карточку агентства.

Едва кончив читать карточку, не колеблясь ни секунды, так, словно меня здесь вовсе не было, он выпалил: «Но зачем они прислали вас? Мы не берем негров».

Мы невольно отпрянули друг от друга. Он — потому что сказал то, что сказал, я — потому что он сказал это так открыто. Думаю, он был честным человеком и инстинктивно сказал правду, которая не требовала дальнейших разъяснений. Я никогда не считал, что он ненавидел меня — он вообще не думал обо мне, да этого и не требовалось для объяснения неопровержимого заявления: «Мы не берем негров».

Я оцепенел на миг, и это заставило его предложить оплатить мне стоимость проезда, побудило произнести слова сожаления. Он глядел мне вслед с сочувствием, а я, отвергнув его предложение об оплате проезда, уходил прочь, как человек, который пытается и никак не может пробудиться от чудовищного, кошмарного сна. Я был в шоке. В этом состоянии я позвонил в агентство, сообщил о том, что произошло, повесил трубку и сел в поезд «Эй», отправлявшийся в Бруклин.

Наконец я прибыл в центр Бедфорд-Стивесанта, в гетто. Я стремился сюда, чтобы обрести какое-то утешение, увидеть себе подобных, получить подтверждение тому, что я не перестал быть человеком. Я вышел из метро, миновал по пути домой несколько закусочных и баров, где я мог бы найти человеческое горе, соизмеримое с моим собственным. Я избегал встречи со знакомыми, хотя именно в тот момент я больше всего нуждался в их поддержке. Я избегал их потому, что не хотел, чтобы они видели меня плачущим. Плакать человек должен только в одиночку, потому что в плаче он пытается доискаться истины. Придя к себе, я запер дверь, упал на кровать и зарыдал.

Я терзал и рвал подушки, задыхался, рот мой стал сухим и горячим. Я корчился, кричал и визжал почти в конвульсиях, слезы лились из моих глаз, все тело горело, словно опаленное огнем, я молотил кулаками подушки, ногтями рвал на себе волосы, царапал себя до крови. Я бился в судорогах, как раненый, искалеченный зверь. В те минуты я продал душу фаустовскому дьяволу, который всегда подстерегает негра. В боли и отчаянии весь без остатка я отдался неизлечимой, вечной ненависти.

Слезы породили огонь, почти полностью испепеливший меня. Искры этого огня заставили меня поступить в колледж, принудили меня к наивным попыткам отомстить тем, кто вывернул наизнанку мою душу. Учителя, знавшие меня как добросовестного и трудолюбивого студента, не подозревали о существовании демона, который жил во мне и руководил моими действиями. На крыльях демона я прорывался сквозь дебри незнакомых мне наук, ночи напролет писал и переписывал курсовые работы, с непроницаемым лицом Будды слушал, как мои наставники пытались убедить меня в своей приверженности духу человеколюбия.

Некоторые из них были настолько добры, что выделяли меня из множества других студентов, приглашали к себе домой. Они расспрашивали меня о моих надеждах и устремлениях, о моем отношении к расовому конфликту. И я всегда лгал им, отчасти из страха, отчасти потому, что был убежден, если бы я сказал им правду, открыл хотя бы десятую часть истины, они выгнали бы меня из колледжа и заперли в ближайшей лечебнице для психически больных.

Другие заявляли, что хоть я и негр, но они не стали бы возражать, если бы я жил в соседней с ними квартире, что я должен стать «одним из лидеров своего народа», что я являюсь живым доказательством того, что любой человек с инициативой может преуспеть в условиях американской демократии. Они видели во мне только «интересный феномен», подтверждение собственной риторики. Я был для них «эмансипированным негром», которому отпустили грех чернокожести, потому что он оказался способен постичь мудрость Шекспира, Платона и Эмерсона. Я был переделанным дикарем, спасенным из джунглей гетто, почти человеком. Теперь меня готовы были «принять», хотя и не вполне искренно: ведь дикаря никогда нельзя полностью перевоспитать, присоединить к так называемому среднему классу, с присущей ему духовной старостью, бессилием, мертвечиной.

Студенты были хуже учителей. Если учителя считали меня умственно переродившимся, то студенты были уверены в моем социальном перерождении: теперь я был способен общаться с ними почти на равных. Считалось модным приглашать на студенческие вечеринки кого-нибудь из негров — я был как раз таким, «подходящим» негром.

«Я упал на шипы жизни,— писал Шелли.— Я истекаю кровью!..»

...Она стояла возле самолета, высокая, стройная, с глубокими синими глазами, светлые волосы коротко острижены. Она смотрела, как я медленно, нетвердыми шагами поднимаюсь по трапу, и в глазах ее были слезы. Мы никогда больше не увидимся, никогда не пройдем вместе по песчаному берегу моря, никогда больше не будем жить в общем мире.

В отношениях с ней цвет кожи не имел никакого значения. Вместе мы построили наш общий мир, но я всегда знал, что не смогу долго жить в нем. Слишком много моих черных собратьев осталось вне этого мира, слишком много черных лиц, искаженных мукой, возникало в моей памяти, словно обвиняя меня. И мы оба знали, что наступит день, когда мне придется вернуться в гетто. Вернуться не для того, чтобы, как надеялся мой отец, спасти свой народ, но хотя бы для того, чтобы умереть вместе с ним.

У негра нет возраста, потому что время остановилось для нас в тот момент, когда впервые чернокожие рабы ступили на землю Нового Света. С тех пор мы корчимся на шипах жизни, истекаем кровью от ран, нанесенных самым разным оружием — кнутами и пистолетами, веревками от виселиц и лживыми словами. И может быть, именно ложь — самое страшное оружие. Нас заново сделали рабами с помощью лживого красноречия. Мы боимся собственных чувств и мыслей, пытаемся послушно подчинить их неким законам, которые мы не можем уважать.

Сокращенный перевод с английского С. ФЕДОРИНОЙ

Рис. Н. БЕНУА

ПЕЧАТЬ ГЕНИЯ

Рассказ

Уильям СЭМБРОТ,
американский писатель

В южной части Сан-Франциско есть холм, на котором живут художники, писатели, в общем, люди творческих профессий. У основания холма сбились в кучу черные от сажи фабрики, но с вершины открывается потрясающий вид на город и залив.

Именно из своей квартиры в доме на холме Эд Маккелвин и заметил, как из окна на двадцать пятом этаже тридцатиэтажного здания, стоящего на расстоянии нескольких миль, вылезла фигура. Заметить ее для человека с крепкими нервами, мощным биноклем и склонностью любоваться игрой света и тени на панораме города было не так уж сложно.

Маккелвин — фотограф, причем один из лучших в стране. Стены его холостяцкой квартиры украшены прекрасными снимками, но ни один не мог сравниться со «Снежным барсом», занимавшим почетное место над баром. Этот великолепный снимок был известен во всем мире: цветная фотография редкого снежного барса, прыгающего с огромного красноватого гранитного уступа, вокруг — белый снег, а наверху — почти фиолетовое небо, какое бывает на большой высоте. Сзади возвышаются Гималаи. Великолепный снимок, перепечатанный всеми фотожурналами планеты. Впервые он, разумеется, появился в фотожурнале, где платили самые высокие гонорары. Подпись гласила: «Редчайший на земле барс».

«Снежный барс» создал Маккелвина, но и причинил ему немало хлопот. Слишком рано он его сделал. Такой снимок должен венчать карьеру, а не начинать ее. Печать гения, которой он был отмечен, назвали удачей.

Профессиональным взглядом Маккелвин оценил положение. От окна, из которого вылез человек, до угла, к которому он двигался, стена была глухой. Над ним окон тоже не было, следующие пять этажей шли сплошной стеной до самой крыши. Прямо под крышей проходил широкий выступ — яркий пример архитектурного идиотизма, бесполезная каменная полка, готовая при сильном землетрясении сорваться и причинить максимальный ущерб. Маккелвин понял, что человека, стоящего на карнизе, с крыши заметить невозможно. Человек добрался до угла, свежий тихоокеанский ветер надувал его белую рубашку. На мгновение он как бы завис над пропастью; сердце Маккелвина замерло, но руки продолжали сжимать бинокль. Мелькнула мысль: фотоаппарат с телеобъективом! Нет, не успеть. Мозг лихорадочно работал, взвешивая возможности, которые открывала перед ним эта сцена.

Маккелвин бросился к аппаратуре, секунду поколебался, потом взял новую камеру «Экзакта», схватил кассеты с цветной пленкой и пулей вылетел из дома. Он прикинул, что, если повезет, то до тридцатиэтажного здания он доедет минут за пятнадцать. Субботний вечер в деловом квартале — движения на улицах немного.

Он добрался за двенадцать.

Маккелвин оставил «мерседес» там, где стоянка была запрещена. Табличка «Пресса» гордо смотрела из-под ветрового стекла. Осторожно огляделся — народу на улице мало — и взглянул вверх. Фигурка была еще там, на двадцать пятом этаже, она, казалось, покачивалась на холодном ветру.

Маккелвин задержался в холле здания только для того, чтобы позвонить Нельсону, редактору одного из крупных фотожурналов. Говорил он кратко: «Это Маккелвин. Человек стоит на юго-западном карнизе двадцать пятого этажа. По-моему, собирается с духом, чтобы прыгнуть. Дай мне пять минут и зови спасателей».

Он назвал адрес, повесил трубку и бросился к лифту.

Бесшумно, как кошка, бежал Маккелвин по длинному коридору к раскрытому окну. Выглянул наружу. Холодный влажный ветер взъерошил выгоревшие на солнце волосы. Тот, на карнизе, совсем молодой парень, лет двадцати, в рубашке с короткими рукавами, в джинсах, в стоптанных кроссовках.

Маккелвин не сказал ни слова, он просто холодно смотрел, профессионально прикидывая расстояние, определяя резкость, экспозицию. Проверил аппарат, вставил в него кассету, подтянул ремешок так, чтобы камера висела на уровне груди, затем перебросил ногу через подоконник, вылез на карниз двадцать пятого этажа и начал осторожными шагами двигаться в сторону парня.

Тот продолжал стоять, раскинув руки, как бы обнимая здание, длинные тонкие пальцы побелели и дрожали от напряжения, лицо с впавшими щеками крепко прижималось к грубому камню.

Маккелвин видел снимок так ясно, как если бы уже рассматривал готовый оттиск. И он понимал, что если фотография удастся, это будет второй «Снежный барс». А второй «Снежный барс» ему был нужен. Господи, как ему нужен второй «Снежный барс»! Он должен доказать всем, что та печать гения не была случайностью — *она была запланирована и осуществлена.*

Сверху, из-за бесполезной каменной полки, послышались крики. Он их проигнорировал. Маккелвину было ясно, что если парня не удастся уговорить, то помочь ему нельзя будет ничем. Случайно ли или специально, но парень выбрал такой этаж, где все попытки его спасти были особенно опасны. От того места, где стоял Маккелвин, до угла здания, как уже говорилось, шла глухая стена без окон. За углом, на южной стороне, окон было намного меньше. Люди на крыше ничего не видели из-за каменного карниза, протянуть спасательную сеть из окон двадцать четвертого этажа было делом опасным и трудным: слишком большое расстояние разделяло последнее окно на этой стороне и первое окно на южной.

Парень все стоял на углу. На расстоянии примерно шести футов от его вытянутой левой руки Маккелвин остановился и поднял аппарат. Он поймал в видоискателе фигуру, чуть наклонил камеру, чтобы в кадр попала вертикальная линия угла дома. Четко выделялись взъерошенные волосы, впавшие щеки.

Щелк. Щелк.

Твердой рукой Маккелвин продолжал нажимать на спуск, а в голове мелькнула подпись под снимком: «Человек на каменном кресте».

Он услышал, как на нижнем этаже открылось окно и спокойным неторопливым голосом кто-то сказал: «Сынок, я преподобный Коллинз. Ради господа бога, иди назад. Не подходи к нему слишком близко — он может увлечь тебя за собой».

Маккелвин вытянул руку и махнул вниз и назад, пытаясь дать понять, что намерен идти дальше.

— Парень,— позвал он тихонько.— Эй, парень. Посмотри сюда.

— Не уходит,— услышал он голос священника внизу. Слова едва можно было разобрать за ревом ветра.— Какая храбрая душа...

Затем из-за спины, из того окна, откуда он вылез, раздался другой голос:

— Вернитесь назад. Это полиция. Нам нужно, чтобы вы освободили карниз. Вы слышите меня?

Маккелвин снова ответил отрицательным жестом и умоляющим движением протянул руку к парню, зная, что сзади и снизу это будет хорошо видно. Но также он знал и то, что сзади и снизу не будет видно, что, убрав руку, он положил ее на затвор фотоаппарата.

Далеко внизу раздался слабый вой сирены. Эд знал, что у здания сейчас собирается толпа.

— Парень. Парень,— хрипло прошептал Маккелвин.

Тот медленно повернул голову, на его щеках остались следы от грубого камня. Темные глаза с мукой взглянули в объектив.

Щелк. Щелк.

Парень посмотрел на Маккелвина, увидел прищуренные глаза, руку, твердо сжимающую камеру на уровне груди, лицо человека, полностью поглощенного своим делом, и, как бы стараясь прогнать от себя этот неописуемый ужас, крепко зажмурился.

Щелк. Щелк.

Аппарат Маккелвина автоматически протягивал пленку для следующего кадра. Резкость наведена точно, пленка подобрана исключительной чувствительности.

Маккелвин придвинулся ближе.

Парень открыл глаза, посмотрел прямо на Маккелвина, и впервые на его лице отразился страх. Он задрожал. Губы парня шевельнулись, он с трудом сглотнул: «Пошел... Не подходи ко мне»,— и попытался отодвинуться от Маккелвина. Нога соскользнула с влажного карниза, и он замер. Пальцы, как когти, зацарапали по грубому камню пытаясь за что-нибудь ухватиться, лицо исказилось от усилий сохранить равновесие.

Щелк. Щелк.

Маккелвин снова умоляюще протянул руку. Неожиданно наверху послышался какой-то шум, и тяжелая веревка прошелестела, разматываясь, за его спиной.

— Веревка. Хватайся за веревку,— раздалось сверху.

И сзади, из последнего окна двадцать пятого этажа:

— Бесполезно. Веревка слишком далеко. Опасно.

Парень глядел на Маккелвина, и в его глазах была горечь понимания. Маккелвин изучающе смотрел на парня. «Человек на каменном кресте». Хорошо, даже великолепно, но все это было не то. Это был не «Снежный барс». Он знал, что ему нужно, *как и тогда, много лет назад, во время экспедиции в Гималаи. Впервые увидев снежного барса, он знал, что ему нужно.*

Они шли по заснеженному горному склону, сверкавшему под лучами низкого утреннего солнца. Маккелвин остановился, чтобы перевести дыхание, сердце отчаянно колотилось на высоте. Он посмотрел на скалистую вершину, неожиданно красную на фоне белого снега и темно-синего неба.

И вдруг Маккелвин заметил какое-то движение. Он поднес бинокль к глазам — и замер.

Там, наверху, двигалось что-то белое и изящное. В бинокль Маккелвин ясно разглядел животное с густым мехом, маленькими ушами, длинным, медленно извивающимся хвостом. Прекрасное белоснежное животное, сама поэзия движения, беспокойно двигалось, глядя на маленькую группу проводников-шерпов и альпинистов.

Маккелвин мгновенно понял, что это редкий снежный барс, настолько редкий, что видеть его доводилось считанному числу людей. Маккелвин окинул взором торчавшую вершину из камня гнило-красного цвета, огромный пласт снега, который оканчивался обрывом в пропасть, в темно-синюю глубину. Мысленно он уже видел тот великолепный снимок, который был ему нужен. И понимал, как его сделать.

Он отправил шерпов на другую сторону скалы, а сам остался у подножия, отрезав барсу и этот путь к спасению. Место Маккелвин выбрал у края обрыва. Он лежал и ждал неизбежного.

Животное чувствовало, что попало в ловушку. Двигаясь с легкостью ртути, оно сделало движение в сторону, затем в другую, но его остановили крики шерпов, размахивавших длинными толстыми палками. Барс присел, оскалился, открыл красную пасть, помотал головой, сделал еще несколько осторожных шагов, а потом, как и предвидел Маккелвин, стал подниматься на вершину. Все выше, выше — невероятно красивое зрелище на фоне красного камня,— пока не нашел маленький выступ, где и присел, нервно перебирая лапами.

Тогда Маккелвин послал еще несколько крепких послушных шерпов к дальнему склону. Животное, оскалившись, посмотрело на неприступный утес сзади, по склону поднимались люди. Ему оставался только один путь — вниз по узкой полоске снега, которая вела к обрыву.

Шерпы на склоне закричали. Барс присел — и вдруг взлетел над снегом, отчетливо выделяясь на фоне фантастического фиолетового неба в невероятно прекрасном прыжке.

Маккелвин был готов к этому. Он снимал кадр за кадром, не останавливаясь, пока барс не упал, отчаянно царапая когтями снег, пытаясь за что-нибудь зацепиться, остановить скольжение вниз. Потом зверь на мгновение повис, почти неразличимый на белом фоне, перевалился через край — и исчез в пропасти.

Та печать гения...

Маккелвин придвинулся ближе к человеку на карнизе.

— Парень, — хрипло прошептал он.— Посмотри на меня. Парень...

— *Оставьте меня в покое! Оставьте меня в покое!* — Это был хриплый ужасный вопль.— *Оставьте меня в покое!!*

Маккелвин сделал еще движение вперед, уже только несколько дюймов отделяло его от судорожно цеплявшейся за стену руки.

— Парень,— сказал он мягко, с покровительственными нотками в голосе, какие бывают у любого взрослого, который чувствует власть над молодежью, и, не колеблясь, пользуется ею.— Я хочу помочь тебе. Скажи мне, что тебя беспокоит?

Парень вздрогнул, посмотрел на Маккелвина, ярость промелькнула в его глазах.

— *Ты* меня беспокоишь! Все они меня беспокоят! Оставьте меня в покое. Мне никогда ничего не было нужно! — Парень выкрикивал свои проклятья: открытый рот, вздутые вены на тонкой шее, сверкающие глаза.— Почему меня не могут оставить в покое?!

Щелк. Щелк.

— Послушай, парень,— сказал Маккелвин проникновенным голосом.— Ты сейчас пойдешь со мной. Ты немного взволнован, но как только ты окажешься внутри здания, все будет в порядке... Взгляни вниз — видишь сколько народу? Ты их всех интересуешь. Очень интересуешь. Пойдем со мной, и они все с удовольствием помогут тебе.

— *Заткнись! Господи, да заткнись же ты!*

Парень всхлипнул и начал биться головой о стену. Сзади раздались встревоженные крики. Из открытых окон высовывались люди с длинными шестами, к которым нейлоновыми канатами была привязана сеть. Они безуспешно пытались достать до карниза. Далеко внизу темнела толпа, машины, похожие на жуков.

— Тебе нужны деньги? Как только ты вернешься со мной, парень, все это будет позади. А впереди — газеты, телевидение. За тобой будет гоняться столько людей, им всем будет нужен твой рассказ — а платят они немало. Поверь мне, парень.

Тот повернул голову в одну сторону, в другую, и из его груди вырвался тонкий, пронзительный крик:

— *Уходи! Уходи! Уходиииии!*

— Парень, там, внутри, в той комнате, откуда ты вылез, священники.— Маккелвин дотронулся до его руки.

Рука отдернулась. Странным, плавным движением парень отодвинулся еще дальше, к самому углу здания. Он стонал, по подбородку стекала слюна.

— Священники. Психиатры. Они все хотят помочь тебе. Они найдут тебе хорошее жилье. Ничего не надо будет делать. Никакой работы. Полно еды. Медсестры. Врачи. И все хотят помочь тебе. Пойдем назад, парень, и ты никогда больше не будешь в одиночестве. Никогда...

— *Нет! О господи! Господи! Нееет!*—

Он слишком далеко отклонился назад и наконец-то взглянул вниз. Рот его исказился последним криком, когда он почувствовал плавное, непреодолимое притяжение земли. Парень отклонялся все дальше и дальше — и вдруг его глаза широко раскрылись, взгляд устремился далеко в пространство. Он падал в пустоту, и в глазах его был полный, абсолютный покой.

Щелк. Щелк.

Мгновение спустя тело исчезло из поля зрения Маккелвина. Он прислонился к стене, неожиданно почувствовав, что от напряжения у него дрожат колени. Сзади послышался голос священника: «Именем господа нашего отпускаю тебе грехи твои...» Перед глазами у него стоял тот последний кадр, само совершенство: это выражение полного приятия всего происходящего, появившееся в глазах у парня, когда тот падал, и неожиданно разгладившееся юное лицо. И так же ясно он видел и подпись под снимком: «Долгий взгляд в бесконечность».

Совершенно опустошенный, Маккелвин начал на ощупь двигаться назад. Он влез в окно, у него текли слезы при мысле о последнем снимке, о схваченном им изысканном смешении эмоций.

Этот снимок был отмечен печатью гения.

Он двигался как в тумане, его не задевали тяжелые взгляды полицейских и репортеров, острые язвительные вопросы. Лишь священник что-то сочувственно бормотал. Нельсон, редактор, которому он звонил, бросил в его сторону понимающий иронический взгляд.

Механически Маккелвин отвечал на вопросы. Да, он фотограф. Он случайно оказался здесь, на этом этаже, когда парень вылез на карниз. Он заметил его и вылез за ним. Он фотограф, конечно, он сделал снимки трагедии. Это сильнее его. Но вылез на карниз он прежде всего для того, чтобы спасти парня, если это в человеческих силах. Это оказалось невозможным. Сейчас он в состоянии шока и не может больше отвечать на вопросы. Спросите Нельсона, сказал он, Нельсон расскажет о моей жизни и карьере.

Потом, выйдя из здания, Маккелвин задумчиво посмотрел на то место на тротуаре, куда упало тело. Асфальт блестел, чистый и мокрый, вымытый пожарными шлангами. Он сделал несколько шагов и остановился. В луже четко отражалось высокое здание, зловеще вздымающееся в темнеющем небе.

Это была интересная композиция, к тому же это было тесно связано с тем, что он только что снимал.

Маккелвин навел аппарат на отражение, немного наклонил камеру, чтобы подчеркнуть высоту здания, и сделал снимок.

Здесь никакой печати гения не было, но кадр был хорош.

Перевел с английского Ан. ГАВРИЛОВ

АВТОРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ "БИТЛЗ"

Хантер ДЭВИС, английский писатель

Ринго

Джордж Мартин позвонил в конце июля: пора подбирать песни для первой настоящей записи. Брайан, Джон, Пол и Джордж были в восторге.

Питу Бесту они ничего не сказали. «Мы играли в «Каверне»,— говорит Пит.— На следующий день мы собирались ехать в Честер. Я должен был зайти за Джоном. Он сказал, что будет добираться сам. Казалось, он чем-то напуган. Потом позвонил Брайан и сказал, что хочет меня видеть. Я приехал. Брайан выглядел растерянным. Он никогда не умел скрывать своих чувств, и мне стало ясно: что-то произошло. Он сказал, что ребята хотят заменить меня на Ринго. Это было как гром среди ясного неба. Минуты две я не мог вымолвить ни слова.

Я начал расспрашивать, но не мог получить четкого ответа. В конце концов я сказал: «Раз так надо, пусть так и будет». После двух лет мне дали пинка. Я ничего никому не говорил. Не знаю, откуда поползли слухи».

Поклонники Пита Беста были возмущены: их кумира выставляли в тот самый момент, когда группа начинала путь наверх. Они устраивали демонстрации, пикетировали «Каверну» и на концертах скандировали проклятья. Они объявили войну Джону, Полу и Джорджу, на защиту которых встали их поклонники. Почитатели Ринго сохраняли нейтралитет.

Существует мнение, что Пит продержался в группе так долго не потому, что хорошо играл, а просто потому, что нужен был постоянный барабанщик. Что делает барабанщика хорошим, определить трудно, но, видимо, как личность Пит не вписывался в компанию остальных «Битлз». Пит потерял шанс сделать карьеру в шоу-бизнесе, зато «Битлз» сделали ценное приобретение— Ринго Старра.

Ричард Старки, или просто Ринго,— старший из «Битлз». «И мать, и отец мои были выходцами из бедных слоев ливерпульских рабочих,— говорит Ринго.— В семье ходила легенда, что бабушка очень богата, и ее дом даже окружен хромированной оградой, которая блестит и переливается в солнечных лучах. Я верил этой выдумке. Но на самом деле бабушка оказалась такой же бедной, как и мы».

Продолжение. Начало см. в № 8 и 9 за 1983 год.

Когда Ринго исполнилось три года, родители разошлись. Мать работала официанткой в баре, а за Ринго присматривали бабушка или соседи. В одиннадцать лет Ринго поступил в среднюю школу, однако не кончил ее, провалив экзамен — изложение.

«Он много болел»,— говорит мать. В тринадцать лет Ринго серьезно заболел и провел в больнице почти два года: воспаление легких с осложнениями. Он обратился в школу за свидетельством, которое было необходимо для устройства на работу, но после двух лет отсутствия его там никто не помнил. Интересный факт: когда он стал знаменит, школьная администрация довольно быстро отыскала его парту. Теперь за пару пенсов можно сфотографироваться за партой, где сидел сам Ринго Старр!

Бюро по трудоустройству предложило ему работу рассыльного в железнодорожном управлении. «Я надеялся, что получу униформу, но мне выдали только фуражку. Я подумал: что за чертова работа! Чтобы получить всю униформу, надо проработать десяток лет. К тому же надо было пройти медкомиссию, и меня забраковали. Потом я полтора месяца проработал барменом на корабле, плававшем в Северный Уэльс. Я приучился работать целыми ночами. Однажды я нагрубил хозяину, и мне пришлось уйти. Устроился в фирму «Хант и сыновья». Я должен был стать столяром. Но первые два месяца я только и делал, что разъезжал на велосипеде, собирая заказы. Мне уже исполнилось семнадцать, а я так и не начал обучения специальности. Я пошел в правление. Там мне сказали, что вакансий на столяра нет, и предложили учиться на монтера. Я согласился: это была работа. Все обычно говорили, что, если у тебя есть работа, то все о'кэй. Я думал, что смогу выбиться в люди».

Однако никто больше не разделял его надежд. Он был маленьким, слабым и почти неграмотным.

Ринго и «Битлз»

Свою первую ударную установку Ринго купил в кредит за 100 фунтов, а первый взнос в 50 фунтов сделал его дедушка. «В тот раз дед приехал навестить меня,— говорит мать Ринго.— «Ты знаешь, чего хочет твой чертов балбес?» Он всегда называл его так. Но деньги дал. Ринго честно возвращал их по фунту в неделю из зарплаты».

Ее очень тревожило это увлечение, потому что группа отнимала у Ринго много времени, а он все еще собирался пойти учиться. Но Гарри, отчим Ринго (он работал художником-оформителем), тоже увлекался скиффл-группами, и Ринго обрел в нем опору. В конце концов, кочуя по всевозможным конкурсам скиффл-групп, вечеринкам и маленьким танцзалам (то есть двигаясь по тому же пути, что и «Битлз»), Ринго оказался в группе Рори Сторма. Тогда перед Ринго встала дилемма: бросить работу или нет. Ему было 20 лет. «Все говорили мне, что работу бросать не следует. Думаю, они были правы. Но я хотел играть, и все тут». Именно в группе Рори Сторма он взял себе псевдоним Ринго Старр.

Группа Рори пользовалась таким успехом на родине, что, когда им предложили поехать в Гамбург, они отказались. Но позже они все же согласились выступать в клубе «Кайзеркеллер». Там и произошло знакомство Ринго с «Битлз». И когда позвонил Джон Леннон и предложил ему присоединиться к «Битлз», Ринго уже хорошо знал, с кем ему предстоит иметь дело. «Брайан не был в восторге от моего появления в группе. Он считал меня недостаточно представительным. Кому нужен тощий облезлый кот?»

Введя в свой состав Ринго — тогда уже известную в музыкальных кругах Ливерпуля фигуру,— «Битлз» были признаны лучшей ливерпульской группой: у них был настоящий менеджер, о них знали в Лондоне! Но их успех положил начало расколу дружеских отношений, царивших между ливерпульскими группами.

«В Ливерпуле было много групп, и мы часто собирались, чтобы поиграть друг для друга. Отношения между нами были очень теплыми. Потом, когда фирмы звукозаписи стали заключать с некоторыми группами контракты, отношения сильно испортились. Все стали ненавидеть друг друга. Но я никогда не забуду то старое доброе время»,— говорит Ринго.

Летом 1962 года Цинтия и Джон решили пожениться. Они хотели сохранить свадьбу в секрете от почитателей «Битлз», но кто-то из завсегдатаев «Каверны» видел, как они выходили из регистрационного отдела, и новость мгновенно стала известна всем, хотя сами «Битлз» пытались отрицать ее. «Я думал, мне придется расстаться с группой, так все говорили мне. Продолжать прежнее мне, солидному женатому человеку, было все равно, что ходить по улице в носках разного цвета. Но я не мог бросить свое дело».

Джордж Мартин и Дик Джеймс

Жизненные пути «Битлз» и Джорджа Мартина, казалось бы, пролегали на расстоянии десятка световых лет друг от друга, начиная с происхождения и воспитания и кончая образованием. Он — высокий представительный мужчина, с аристократическими манерами и произношением диктора Би-би-си. Кто такие они — мы уже знаем.

В начале пятидесятых выпуск пластинок в Англии был таким же скучным и однообразным занятием, как разноска утренних газет. Каждый месяц компании вроде «Парлофона» выпускали около десяти пластинок, список которых утверждался месяца на два вперед. Репертуар был тщательно сбалансирован: из десяти пластинок две содержали записи классической музыки, две — джаз, две — танцевальную музыку, две — мужской вокал и две — женский. Такой категории, как поп-музыка, просто не существовало. А потом пришла эра скиффл и рока. Появились собственные британские звезды, хотя по величине им было все еще далеко до американских. Но бедный «Парлофон» и здесь оставался позади всех. В мае 1962 года плетущийся в хвосте «Парлофон» отчаянно ждал появления чего-нибудь вроде «Битлз» — великий Джордж Мартин, в каждом покашливании которого они видели особый смысл, был вовсе не таким уж великим.

В ту первую встречу Джордж Мартин объяснил им, что нужно делать во время записи. «Если вас что-нибудь не устраивает, скажите мне об этом сейчас»,— обратился он к «Битлз».

«Для начала меня не устраивает ваш галстук»,— ответил Джордж Харрисон. Эта шутка впоследствии неоднократно повторялась, но сам Мартин не принял ее с большим восторгом. У него был отличный новый галстук из дорогого магазина: красные лошадки на черном фоне. Тем не менее все засмеялись, и работа началась.

«Love me do» записывалась раз семнадцать, пока Мартин не остался доволен. «Ринго мне не очень-то понравился. Он был хорош для танцевальных залов, а здесь необходим более опытный барабанщик».

«Я ужасно нервничал,— говорит Ринго,— студия нагоняла на меня страх. Когда после перерыва мы вернулись, чтобы записать вторую сторону диска, я увидел, что на моем месте сидит студийный барабанщик. Это было ужасно. Меня пригласили в «Битлз», но оказалось, что я гожусь только для танцев, а не для записи. Они начали записывать «P. S. I love you». На ударных играл кто-то другой, мне дали маракасы. «Это конец,— подумал я.— Меня заменят на Пита Беста». Потом они решили переписать первую сторону, где я играл на ударных. На этот раз мне дали тамбурин. Я был в нокауте. Позор! Каким притворством оказался весь этот пластиночный бизнес. Приглашать других музыкантов, чтобы записывать твои пластинки! Если я не нужен при записи, я не нужен вообще!

Но никто не сказал ни слова. И что могли мы сказать! Перепуганные мальчишки. Они же были такие солидные: лондонская фирма грамзаписи и все такое. Мы делали, что нам говорили, вот и все. Когда вышла пластинка, мое имя стояло и в «P. S. I love you», хотя на самом деле я играл только на маракасах».

«Love me do», первая настоящая пластинка «Битлз», была выпущена 4 октября 1962 года. Группа к тому времени вернулась в Ливерпуль и продолжала кочевать по танцзалам, ожидая, когда пластинка потрясет весь мир. Однако мир ее не замечал.

Преданные ливерпульские поклонники раскупали пластинку в огромных количествах, но, естественно, провинция не могла существенно повлиять на списки популярности. Почитатели забрасывали письмами и радиостанции.

Первой станцией, передавшей их запись, была «Радио Люксембург» [1].

В тот вечер, когда песня должна была выйти в эфир, миссис Харрисон пришлось сидеть у радиоприемника допоздна. Ожидание надоело, и она уже решила было отправиться спать, как по дому разнесся крик Джорджа. Песня была в эфире! Крик разбудил и мистера Харрисона, который, однако, не выразил ничего, кроме неудовольствия.

Пластинка начала свое путешествие по спискам боевиков с сорок девятого места в «Нью рекорд миррор». На следующей неделе в «Нью мюзикл экспресс» она была уже двадцать седьмой.

Джордж Мартин обрадовался, но головы не потерял. «Я не считал пластинку такой уж великолепной и был приятно удивлен реакцией публики. Теперь надо было быстренько делать следующую». Он подобрал песню, которая, по его расчетам, должна была стать хитом, и послал ее «Битлз». Но им она не понравилась. И хотя решающее слово принадлежало Джорджу Мартину, они продолжали отнекиваться. Группа безусых зеленых юнцов, не разбиравшихся толком в нотах, демонстрировала свое упрямство опытному и влиятельному импресарио.

«Но, в конце концов, это было их дело, и я предложил им сделать что-нибудь более достойное самим. Они были чрезвычайно самоуверены в те дни, как, впрочем, и сегодня. Но они и в самом деле сделали кое-что более стоящее: «Please, please me» («Пожалуйста, полюби меня»).

В конце года «Нью мюзикл экспресс» опубликовала свои списки популярности. На первом месте были «Спрингфилдз». «Битлз» со своими 3906 очками, набранными в основном в Ливерпуле, остались далеко позади. Но все-таки о них стало известно во всей Британии.

Среди друзей и деловых партнеров «Битлз», пожалуй, только Дик Джеймс был профессионалом шоу-бизнеса. У него было собственное музыкальное издательство, но до ноября 1962 года ему не удавалось отыскать ни одного бестселлера. Однажды ему позвонил старый приятель Джордж Мартин и предложил издать песню каких-то «Битлз» «Please, please me». «Я послушал запись и сказал, что это самая заводная вещь из всех, которые я когда-либо слышал». Брайан Эпштейн был, конечно, по натуре ливерпудлийцем, но отнюдь не простаком. Он заявил, что Дик Джеймс сможет получить эту песню, если окажет «Битлз» содействие. Дик Джеймс позвонил своему старому приятелю, ведущему телепередачи «Поздравляем с успехом».

Так за пять минут для «Битлз» было добыто место в лондонской телевизионной передаче, транслировавшейся на всю страну. Брайан, потрясенный такими связями Дика Джеймса, заключил с ним контракт, и Джеймс стал музыкальным издателем всех песен «Битлз». Доходы делились между композиторами и издателем пополам. В результате Дик Джеймс стал миллионером.

Гастроли

К началу 1963 года в активе у «Битлз» была одна выпущенная и одна подготовленная к выпуску пластинка. В их команде появилось серьезное пополнение: Джордж Мартин и Дик Джеймс. Они должны были выступить в лондонской телепрограмме. Но Брайан Эпштейн понимал, что нужна еще и реклама. Он написал письмо Дискеру, музыкальному критику газеты «Ливерпуль эхо», и был очень удивлен, получив ответ за подписью Тони Барроу (Дискер был его псевдоним). Тони Барроу согласился стать их пресс-агентом.

Тем временем EMI тоже решила обеспечить их музыке некоторую рекламу. Была опубликована заметка, в которой сообщалось, что любимый цвет Джона черный, что он обожает тушеное мясо, ненавидит тупиц и традиционный джаз; «любимая марка автомобиля — троллейбус».

Пластинка «Please, please me» вышла в списках популярности на первое место, и отзывы критиков стали потеплее. Но большие газеты по-прежнему не замечали «Битлз». Единственным за первую половину 1963 года исключением была заметка в «Ивнинг стандарт». Ее автор, миссис Морин Клив, писала об их жизнерадостности и непосредственности и первой из журналистов обратила внимание на их прически.

Джордж Харрисон, редактор «Ливерпуль эхо», в своей рубрике «За стеной Мерсисайда» ставил вопрос: будут ли «Битлз» группой-однодневкой или нет? Через несколько месяцев он уже не сомневался. Пришло время, когда Джордж Харрисон мог гордиться тем, что его имя и фамилия такие же, как у знаменитого Джорджа из «Битлз». Жители Ливерпуля с фамилиями Леннон, Маккартни, Харрисон и Старки не могли теперь спокойно спать по ночам, поскольку в любую минуту мог раздаться телефонный звонок и милый девичий голосок начинал умолять о встрече.

Но главное — удалось организовать гастроли по всей стране. «Совершать настоящие гастроли было здорово,— говорит Ринго.— До этого мы ничего не знали о таких вещах, как грим. Мы были похожи на заправских индейцев, ступивших на тропу войны».

Сначала они не вызывали у аудиторий особых восторгов, но постепенно реакция зрителей становилась более живой. Единственное, что помнит из этого турне Ринго, как однажды им указали на дверь. «Это было в Карлайле. В отеле, где мы остановились, был какой-то бал, и мы решили взглянуть, что это такое. Там было полно всяких солидных людей. Нас выгнали, потому что мы выглядели неподобающим образом, то есть как обычно».

Публика оказывала им все более восторженный прием, чему в немалой степени способствовало выступление в телепрограмме «Поздравляем с успехом». Их начали просить написать песни для других исполнителей.

Новая песня Клиффа Ричарда «Летние каникулы» оттеснила «Битлз» с первой позиции в списках. Но вскоре группа «Джерри и «Лидеры» восстановила ливерпульский приоритет. К марту 1963 года выражение «ливерпульское звучание» вошло в лексикон шоу-бизнеса.

«Битлз» решили выпустить свою первую долгоиграющую пластинку. Она вышла в апреле 1963-го и тоже называлась «Please, please me». В нее входили песни с обоих первых синглов плюс «Twist and shout», «A taste of money» и некоторые другие. Альбом продержался в списках популярности почти полгода.

В апреле 1963 года вышел и их третий сингл «From me to you» («Тебе от меня»). Он тоже вышел на первое место. Уже тогда, в апреле 1963 года, нашлись специалисты, которые сравнивали три их сингла и утверждали, что они сходят со сцены. В то же время другие писали, что «вокал и гармония их песен полны блеска и остроумия. Тексты чисто коммерческие, но мелодии двух последних дисков превосходны».

Они использовали любую возможность, чтобы побывать в Ливерпуле. «Мы хвастались направо и налево,— говорит Ринго.— Мы же стали профессионалами!»

Несмотря на успех, Джон чувствовал себя в Ливерпуле несколько стесненно. «Мы никогда не говорили об этом, но в действительности нам совсем не хотелось возвращаться в Ливерпуль. Быть героями в своем доме просто неприятно. Когда мы выступали здесь, собиралась масса наших знакомых. Мы чувствовали себя не в своей тарелке из-за своих костюмов и слишком опрятного вида. Друзья могли подумать, что мы просто продались. Впрочем, отчасти это было справедливо».

Джон говорит, что, хотя Брайан и сделал их более-менее «пристойными», они по-прежнему дурачились на сцене и распевали шутливые песенки, если что-нибудь происходило с аппаратурой. Во время интервью они могли наговорить черт знает что.

Но гастроли были не таким уже веселым занятием. Больше всех доставалось Нилу Аспиналу. В его обязанности входила доставка и установка аппаратуры. А поклонникам уже было недостаточно просто видеть «Битлз», появилась мода утаскивать хоть кусочек от их аппаратуры, и одному Нилу справляться стало не под силу. «За пять недель гастролей я потерял 19 килограммов. Я почти не ел и не спал. У меня просто не было времени!» Тогда на помощь призвали вышибалу из «Каверны» Малкольма Эванса. Они с Нилом сопровождали «Битлз» во всех гастролях. И сегодня они ближайшие друзья и компаньоны группы.

Нил худощавый, интеллигентный, знающий свое дело человек. Он никогда не станет лицемерить и всегда

---

[1] *Редакция «Радио Люксембург» находится в Лондоне.— Примеч. пер.*

готов высказать свое мнение по спорному вопросу. Мал статный привлекательный мужчина с открытым характером, очень общительный. Ради «Битлз» Нил бросил карьеру финансиста. Мал, до того, как появились «Битлз» и перевернули его жизнь, одиннадцать лет проработал инженером по телесвязи.

Произошло это так. В один из дней 1962 года он решил пойти с работы домой не вокруг Пиер Хед, как делал обычно, а напрямик по Мэтью-стрит. «Это была маленькая улочка, которую я раньше не замечал. Я пошел по ней и случайно заглянул в «Каверну». До этого я никогда не бывал в таких клубах, но, услышав доносившуюся оттуда музыку, настоящий рок, немного похожий на Элвиса, я решил заглянуть». Он стал заглядывать туда так часто, что ему предложили стать стражем врат «Каверны». Он подрабатывал вышибалой около трех месяцев, пока летом 1963 года Брайан не предложил ему присоединиться к «Битлз». В обязанности Мала входила перевозка, установка и настройка аппаратуры. После концерта он должен был все собрать и отправляться в следующий пункт турне. Мал отвечал за оборудование, Нил — за «Битлз» лично.

В течение первой недели Брайан шесть раз чуть не уволил Мала. «Я никогда не видел ударной установки, я ничего в этом не понимал. Пару дней Нил помогал мне, но, когда я оказался один, мне стало страшно. Передо мной была такая огромная сцена, что у меня потемнело в глазах... Хуже всего было, когда я потерял гитару Джона. Она исчезла, и все. Судьба ее так и осталась неизвестной.

Мои старые приятели с телевидения, которые раньше смеялись надо мной, вдруг стали проявлять невиданную учтивость. Я стал звездой. Но вскоре я понял, что они просто пытаются с моей помощью приблизиться к «Битлз», и я стал обходить их за милю».

Самым неприятным во время гастролей было ожидание в костюмерных. Туда набивались тучи репортеров, полицейских, обслуживающего персонала, а снаружи поклонники отчаянно пытались прорвать заслон. Вокруг «Битлз» уже начало твориться невесть что. В апреле 1963 года у Леннона родился сын Джулиан, названный так в честь матери Джона. Чтобы пойти навестить Цинтию, Джону пришлось загримироваться: все в Ливерпуле знали «Битлз» в лицо.

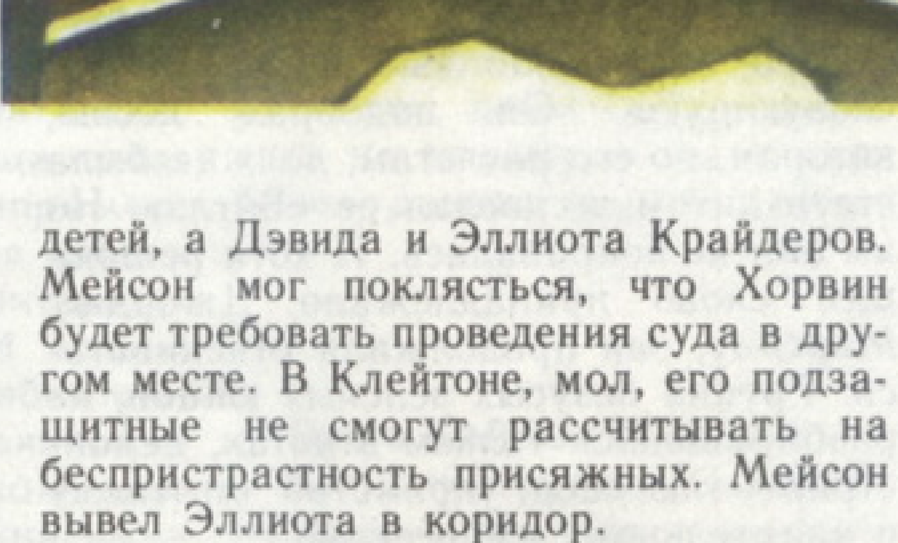
В августе 1963 года «Битлз» записали в Лондоне свой четвертый сингл «She loves you» («Она тебя любит»). И это событие ознаменовало собой начало феноменального успеха, массового психоза, периода, получившего название «битломании». Теперь Ливерпуль стал городом, где они родились и выросли.

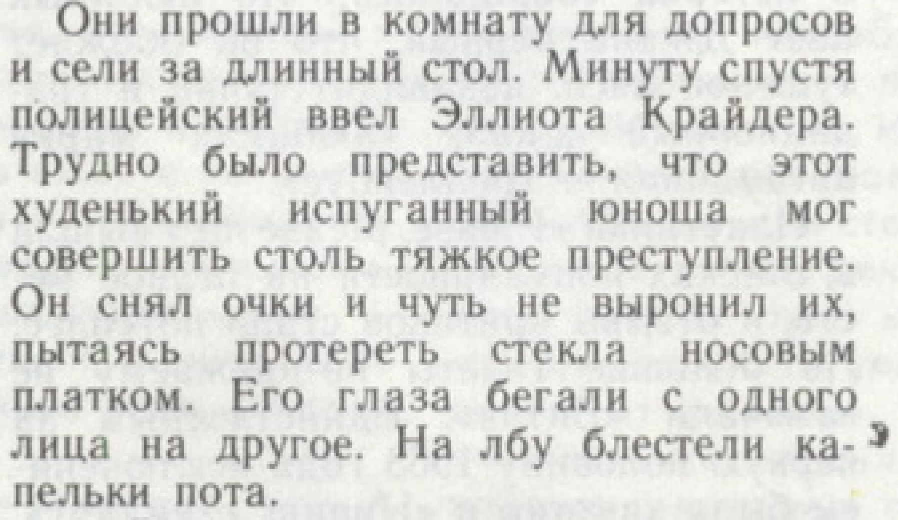
Продолжение следует

Перевели с английского Л. ЛОЗНЕР и Б. НАЛИБОЦКИЙ

Рис. Н. БЕНУА

День, когда исчезли дети

Хью ПЕНТИКОСТ, американский писатель

Повесть

Они прошли в комнату для допросов и сели за длинный стол. Минуту спустя полицейский ввел Эллиота Крайдера. Трудно было представить, что этот худенький испуганный юноша мог совершить столь тяжкое преступление. Он снял очки и чуть не выронил их, пытаясь протереть стекла носовым платком. Его глаза бегали с одного лица на другое. На лбу блестели капельки пота.

— Вы имеете право не отвечать на наши вопросы,— ледяным голосом начал Троттер.

Эллиот кивнул, облизав пересохшие губы.

— Вы знаете, что ваш брат, Дэвид, сознался в похищении детей и убийстве Карла Диклера?

— Нет.

Так вот, он хочет, чтобы мы отправили его, вас и третьего сообщника в страну, которая не выдает преступников Соединенным Штатам. Тогда он скажет нам, где дети.

У Эллиота округлились глаза.

Дейв это сказал?

Да.

— И вы собираетесь выполнить его требование?

— Конечно, нет. И ваш единственный шанс избежать смертного приговора — немедленно сообщить нам, где находятся дети.

Эллиот, не отвечая, смотрел прямо перед собой.

Открылась дверь, и в комнату вошел Джордж Хорвин, полный, румяный, черноволосый мужчина лет сорока пяти.

— Можешь не отвечать на их вопросы, Эллиот,— сказал он.

— Не волнуйтесь,— сердито пробурчал Троттер.— Похоже, он не собирается это делать.

Бывают моменты, когда преступников оберегают куда лучше, чем невинных людей. У родителей, мерзнувших у полицейского участка, не было никаких прав. Их дети могли умирать от голода и холода, но закон защищал не детей, а Дэвида и Эллиота Крайдеров. Мейсон мог поклясться, что Хорвин будет требовать проведения суда в другом месте. В Клейтоне, мол, его подзащитные не смогут рассчитывать на беспристрастность присяжных. Мейсон вывел Эллиота в коридор.

По просьбе Хэвиленда адвокат подсел к столу. Его лицо напоминало гипсовую маску.

— Я думаю, не стоит лишний раз объяснять вам, что у нас нет сомнений в виновности Дэвида Крайдера,— сказал детектив.— Следы его сапога найдены около тела Диклера, и через часдругой лабораторные исследования покажут, что перед смертью Диклер расцарапал его лицо. Дэвид даже признался в похищении детей, предлагая освободить их, если мы вышлем его с сообщниками в безопасное место. Он упомянул двоюродного брата и еще одного человека.

— Но вы не можете доказать участие в преступлении Эллиота и этого гипотетического «третьего»,— отпарировал Хорвин.

— Со временем мы докажем и это, но дело в том, что у нас нет времени.

Адвокат задумался.

— Может, эти люди,— он кивнул в сторону окна,— заставят вас отправить их в Мексику?

— Никогда! — воскликнул Троттер.

Хэвиленд взглянул на дверь, через которую Мейсон вывел Эллиота Крайдера.

— Этот юноша — наша единственная надежда. Если вы обратитесь к нему как друг, мистер Хорвин, он может рассказать вам обо всем.

— Как адвокат Эллиота, я не могу собирать для вас доказательства его вины.

— Мне нужно только одно! Пусть он скажет, где дети.

— Я не могу ничего обещать,— ответил адвокат.

— Я не требую обещаний. Но помогите нам найти детей.

Джордж Хорвин встал и вышел.

— И что теперь? — спросил Троттер.

— Буду искать третьего.

Продолжение. Начало см. в № 7, 8 и 9 за 1983 год.

С большой неохотой Хэвиленд вышел в холодный солнечный день. Люди ждали от него известий о детях, а он мог предложить им лишь убийцу Диклера.

— Они отказались сказать нам, где дети,— ему не нравилось выражение лиц горожан. Они жаждали мести.

— Разве вы не можете заставить их говорить? — спросил Мерсер.

— А как, мистер Мерсер? Они хотят, чтобы мы выслали их из страны. Тогда, возможно, они скажут нам, где спрятаны дети.

— Так вышлите их! — воскликнул Уоррен Дженнингс.— Какая нам разница, что будет с ними. Я бы с радостью четвертовал их, но еще больше я хочу видеть своих детей.

Толпа одобрительно загудела.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Мерсер.

— Искать третьего сообщника,— ответил Хэвиленд.— Кто знает, может, он расскажет нам о детях.

Придя в муниципалитет, детектив позвонил Джимми Крейвену и попросил его зайти.

— Я ищу третьего преступника, мистер Крейвен. Тут мне понадобится ваша помощь.

— С радостью помогу вам. Что я должен сделать?

— Мне нужны сведения о друзьях Дэвида Крайдера. С незнакомым человеком он бы на такое дело не пошел. Он выбрал бы самого близкого друга. Нашу задачу облегчает и то обстоятельство, что на физиономии этого третьего должны быть следы драки.

— Драки?

— На Диклера напали двое. Мы знаем это наверняка. Если он так разукрасил Дэвида, то досталось и его напарнику. У Эллиота синяков нет, значит, в драке участвовал кто-то третий. Помогите мне, мистер Крейвен. С вами люди будут более откровенны, чем с полицейскими. У нас очень мало времени.

— Я сделаю все, что смогу.

Поиски «третьего» закончились очень быстро. Не прошло и получаса, как Крейвен вновь появился в кабинете Хэвиленда.

— Похоже, я его нашел. Пауль Сандерс. С Дейвом Крайдером они неразлучны, как сиамские близнецы. Вместе пьют, охотятся, катаются на лыжах, гуляют с девушками. Я опросил человек шесть, и все указали на Сандерса.

— Вы его знаете?

— Конечно. Во всяком случае, здороваюсь. Беспутный парень. Дважды его выгоняли из школы, один раз — из колледжа. Скорее всего, это он.

— Вы знаете, где он живет?

— У него коттедж в сосновом лесу, около особняка Крайдеров. Думаю, Сандерс арендует его у отца Дейва.

Дорога привела их к большому бревенчатому дому. Из трубы вился дымок. У крыльца стоял ярко-красный спортивный автомобиль. Хэвиленд и Крейвен вылезли из машины и поднялись по ступенькам. Хэвиленд постучал.

Им открыл рыжеволосый юноша в джинсах, голубом свитере и полушубке, наброшенном на плечи.

— Привет, Пауль,— сказал Крейвен.

Как просто, подумал Хэвиленд, увидев раздутую нижнюю губу Сандерса.

— Это мистер Хэвиленд, он руководит розысками детей. Ты слышал о Дейве и Эллиоте?

— Да, по радио,— кивнул Сандерс.— Этого никто не ожидал.

— И для вас, должно быть, это сообщение явилось полной неожиданностью,— сказал Хэвиленд.— Где вы разбили губу?

— Упал в лесу. Споткнулся о корень.

— А я подумал, что в драке с Карлом Диклером,— ровным голосом добавил детектив.

Сандерс попытался улыбнуться.

— Вы смеетесь надо мной?

— Мне сейчас не до шуток. Это ваша машина?

— Да.

Хэвиленд подошел к автомобилю, заглянул в кабину.

— Откройте, пожалуйста, багажник.

— Как бы не так,— сердито ответил тот.— С чего вы взяли, что я дрался с Диклером?

— Вы и Дэвид Крайдер убили Диклера, а Эллиот стоял рядом, держа чемодан с деньгами. Пожалуйста, откройте багажник.

— Черта с два!

— Послушайте, молодой человек, у меня мало времени. Я арестую вас по подозрению в убийстве и похищении детей и вскрою багажник ломом.

Поколебавшись, Сандерс сунул руку в карман, достал брелок с двумя ключами и бросил их Хэвиленду.

— Держите,— и, воспользовавшись тем, что детектив смотрел на летящую связку, метнулся к лесу.

Но он не пробежал и трех метров, как Джимми Крейвен броском в ноги, сделавшим бы честь профессиональному футболисту, уложил его на землю. Мгновение спустя Хэвиленд замкнул наручники на запястьях Сандерса.

Поднявшись, детектив подошел к автомобилю и открыл багажник. Как он и ожидал, внутри стоял чемодан с деньгами. Он повернулся к Сандерсу.

— Где дети?

Тот удивленно взглянул на Хэвиленда.

— Откуда я знаю?

— Хватит болтовни! Где дети?

— Но я действительно не знаю, где они. Так же, как Дейв и Эллиот.

— Дейву известно, где они. Он обещал сказать нам, если мы вышлем вас из страны.

— Дейв у нас умница,— усмехнулся Сандерс. — Проснитесь, Хэвиленд. Разве вы не поняли, что мы не похищали детей? И знать не знаем, кто это сделал. Просто мы решили воспользоваться случаем. Мы потребовали выкуп, как обычно делают похитители, а вы на это клюнули. Если бы этот чокнутый Диклер не вернулся к соковарне, деньги были бы нашими. Нам просто не повезло. Мы не хотели никого убивать, но не могли отпустить Диклера живым.

Хэвиленд чувствовал, что Сандерс говорит правду. Но почему тогда настоящие похитители не дали о себе знать? Ему вспомнились слова Пата Махони: «Пока вы видели только кролика...»

Глава 10

Горожане и репортеры все еще толпились у полицейского участка, когда Хэвиленд и Джимми Крейвен привезли Сандерса.

— Вы вернули выкуп? — спросил Мерсер, когда Сандерса увели.

— Да, мы нашли чемодан с деньгами.

— Значит, дело закончено?

— Не совсем. К сожалению, эти трое не похищали детей.

Толпа ахнула. Хэвиленд коротко объяснил ситуацию.

— Но почему они сразу не уехали из города? — удивился Мерсер.

— Этим они лишь доказали бы свою вину. Они хотели подождать, пока мы не найдем детей. Месяц спустя они могли бы уехать, не вызывая подозрений. Теперь надо начинать все сначала.

— То есть подозрение вновь падает на Джерри Махони?

— Мы продолжим поиски детей.— Хэвиленд сел в машину и поехал к коттеджу Пата Махони.

Пат сидел в кресле с большим альбомом на коленях. На нем был бежевый костюм, голубая рубашка и оранжевый галстук.

— Добрый день, мистер Хэвиленд.— Он приветственно махнул рукой.— Я слышал, все кончено. Вы их поймали. Все получилось не так, как я предполагал, но хорошо, что вы нашли детей и Джерри.

— Все не так просто, Пат...— И детектив рассказал ему, что произошло.

Голубые глаза Махони затуманились.

— Так это все обман? — прошептал он.

— Кроме убийства. Пат, люди вновь думают о Джерри. Они в отчаянии. Им некого больше подозревать. Я хочу отвезти вас и Лиз Диринг в безопасное место. Между прочим, где она?

— На работе, в банке.

— Вы поедете со мной, Пат? Я пришлю кого-нибудь для охраны дома.

Старик медленно покачал головой.

— Я останусь здесь, мистер Хэвиленд. Джерри может позвонить. Я не хочу, чтобы в ответ он услышал лишь длинные гудки. Кстати, я показывал вам этот альбом?

Хэвиленд взял альбом, поняв, что уговоры ни к чему не приведут. На него смотрела улыбающаяся пара в сверкающих ковбойских костюмах, с шестизарядными револьверами в руках. Заголовок заметки гласил: «Махони энд Фей Блистательные в Буффало».

Заметка содержала описание номера, танца в темноте, причем сцена освещена была лишь блеском нашитых на костюмы фальшивых драгоценных камней и пламенем выстрелов.

— Я вырезал эту заметку из «Варье-

те». Мы выступили бы и на Бродвее, но Нора заболела и умерла.

Хэвиленд предпринял еще одну попытку вернуть старика к действительности.

— Пат, вы должны мне помочь. Позвольте отвезти вас и Лиз в безопасное место.

Пат покачал головой.

— Не могу, мистер Хэвиленд. Я должен быть дома, на тот случай, когда Джерри позвонит сюда.— И снова он унесся в прошлое.— Однажды, когда Великий Тарстон выступал в Сиукс-сити, на сцену проник какой-то пьяница. Как раз в тот момент, когда фокусник вытащил из цилиндра белого кролика. Пьяница вырвал у Тарстона цилиндр, запустил туда руку, потряс цилиндр, но оттуда ничего не вывалилось. Затем служители сцены увели пьянчужку за кулисы.— Пат хихикнул.— Тарстон, улыбаясь, наблюдал за происходящим и даже помахал пьянице рукой. А потом поднял с пола цилиндр,— глаза Пата сверкнули,— и начал вытаскивать из него разноцветные шарфы, фрукты, маски. От восторга зрители чуть не разнесли зал.— Пат покачал головой.— Пьяница лишь усилил эффект фокуса Тарстона. Он показал всем, что цилиндр пуст, а фокуснику удалось найти в нем массу вещей.

— Зачем вы мне это рассказываете, Пат? — спросил Хэвиленд.

— О, я подумал, вас это позабавит, особенно теперь.

— Почему?

— Но вы же столкнулись с фокусом, мистер Хэвиленд. Я имею в виду исчезновение автобуса. То есть вы уже видели кролика,— радостно воскликнул Пат.— А потом ваше внимание отвлекли эти три мальчика. Они выступили в роли пьяницы...

Хэвиленд облизал губы.

— И скоро появятся шарфы, фрукты и болонка?

Пат хлопнул в ладоши.

— Совершенно верно, мистер Хэвиленд, совершенно верно!

От Пата Махони Хэвиленд поехал в банк.

— Я хотел бы поговорить с Лиз Диринг,— сказал он Джошуа Кардвеллу.

— Она пошла в магазин скобяных товаров, напротив банка,— ответил тот.— Вернется с минуты на минуту. Что творится в городе, мистер Хэвиленд! Никогда не видел столько ошибок. Люди по пять раз переписывают формы, забывают подписывать чеки. Как я понял, вы вернули выкуп?

— Да.

— Слава богу. Надеюсь, вы привезете деньги в банк? Тут они будут в безопасности.

— Меня больше беспокоит безопасность детей, мистер Кардвелл,— рассердился Хэвиленд.— Когда мисс Диринг вернется, попросите ее позвонить мне в муниципалитет.

Хэвиленд пересек улицу и зашел в магазин «Скобяные товары» Эда Симмонса.

— Лиз ушла пять минут назад,— ответил тот.— Должно быть, она уже вернулась в банк. Я до сих пор не могу прийти в себя, мистер Хэвиленд, чтобы Крайдеры пошли на такое!

В банке Лиз не было.

— Наверное, она зашла куда-то по своим делам,— предположил Кардвелл.— Я скажу, чтобы она позвонила вам, мистер Хэвиленд.

Придя к себе, детектив сел за стол и глубоко задумался. Каким образом автобус с детьми мог раствориться в воздухе? Фокус! Этот старик совсем заморочил ему голову. Но, быть может, он хотел предложить новый подход к разгадке?

Он позвонил в банк. Кардвелл кипел от ярости.

— Не понимаю, куда она подевалась. Сегодня мы выдаем зарплату!

Хэвиленд набрал номер Пата Махони. Тот сразу же снял трубку.

— Джерри?

— Извините, Пат, это Хэвиленд.

— О...— разочарованно ответил старик.

— Я никак не могу найти мисс Диринг. Она ушла из банка и не вернулась назад. Я подумал, может, она зашла к вам?

— Нет, она заходила ко мне по пути в банк. Хорошая девушка. Сын Норы не мог выбрать другую.

— Если она зайдет к вам, Пат, попросите ее позвонить мне.

— Если она и придет, то после закрытия банка. Сегодня они выдают зарплату всем окрестным каменоломням и фабрикам.

В полдень он вновь позвонил в банк.

— Не знаю, что и думать, мистер Хэвиленд,— в голосе Кардвелла слышалась тревога.— Она не вернулась. На Элизабет это непохоже.

Хэвиленд пошел к Эду Симмонсу.

— Вы знаете, что, выйдя от вас, Лиз Диринг не вернулась в банк?

— Да,— кивнул тот.— Джошуа позвонил мне. Это очень странно.

— Вы не заметили, куда она пошла, выйдя из магазина?

Симмонс покачал головой.

— Я обслуживал покупателей и не следил за ней.

— Кого именно?

Симмонс задумался.

— Кажется, Джо Фельдмана и Марти Левиса.

— Где мне их найти?

Симмонс указал на дверь.

— Вон там, на улице.

Хэвиленд вышел из магазина. Группа мужчин встретила его молчанием. Да, Фельдман и Левис были в магазине вместе с Лиз. Нет, они не видели, куда она пошла.

Хэвиленд позвонил сержанту Мейсону и рассказал ему еще об одном исчезновении.

— Мне нужна помощь,— заключил детектив.

Вы думаете, с ней что-нибудь случилось?

— Не знаю. Она ушла из банка на пять минут и не вернулась. А настроение горожан таково...

— Я пошлю Телицки и Торнтона,— прервал его Мейсон.

Мисс Кобб, живущая напротив магазина и целыми днями просиживающая у окна, прямо заявила, что Лиз не выходила от Симмонса. Кстати, Симмонс брат Джозефины Диклер.

Хэвиленд вошел в магазин.

— Вы нашли Лиз, мистер Хэвиленд? — спросил Симмонс.

— Еще нет. Если не возражаете, я осмотрю подсобное помещение.

Лицо Симмонса превратилось в маску.

— Конечно, возражаю. С какой стати я должен пускать вас туда?

— Никто не видел, чтобы она вышла из магазина, мистер Симмонс.

— Нечего там смотреть. Вы не имеете права обыскивать мой магазин без ордера прокурора.

Хэвиленд достал пистолет.

— Вот мой ордер, мистер Симмонс.

Открылась входная дверь, и в магазин ввалились Фельдман, Левис и еще несколько мужчин. Хэвиленд, держа на прицеле Симмонса, подошел к двери, ведущей в подсобку.

— Не входите туда, мистер Хэвиленд,— воскликнул Симмонс.— Одному богу известно, к чему это может привести.

Распахнув дверь, Хэвиленд увидел Лиз Диринг. Девушка сидела в кресле, связанная по рукам и ногам, с заклеенным пластырем ртом. Напротив, в другом кресле, Джозефина Диклер вязала носки.

В дверях подсобки столпилось человек десять-двенадцать. В руках одного Хэвиленд заметил топор, другого — кусок металлической трубы. В пистолете было лишь шесть патронов. Резким движением детектив сорвал пластырь со рта Лиз и быстро развязал ей одну руку. Дуло его пистолета по-прежнему смотрело на Симмонса.

— На таком расстоянии я не промахнусь,— процедил Хэвиленд.— Если вы двинетесь с места, я убью шестерых. Не слишком ли большая цена за то, чтобы держать заложницей мисс Диринг?

Лиз развязала веревки.

— Если б я знала, почему вы держите меня здесь, то осталась бы добровольно. Я уверена, что Джерри непричастен к похищению. Если хотите, я никуда не пойду.

— О боже,— прошептала Джозефина Диклер. По ее щекам покатились слезы. Мужчины переглянулись.

Хэвиленд сунул пистолет в кобуру.

— Полагаю, мы можем идти, мистер Симмонс? — спросил он.

Симмонс взглянул на девушку.

— Извини, Лиз. Наверное, мы все сошли с ума.

— Забудем об этом,— попыталась улыбнуться Лиз.— Я понимаю.

Мужчины расступились, Лиз и детектив вышли на улицу.

— Что произошло за это время, мистер Хэвиленд? — спросила девушка.— Мне кажется, я просидела там не три часа, а несколько дней.

— Если верить Пату Махони, Великий Тарстон скоро начнет доставать из цилиндра яркие шарфы.

— Бедный старик, — вздохнула Лиз.— От страха за Джерри у него помутилось в голове.

Послышался вой полицейской сирены, взвизгнули тормоза, и сержант Мейсон вышел из кабины. Лицо у него было серое.

— Мы их нашли. Их обнаружил вертолет.

— Где? — коротко спросил Хэвиленд.

— Старая каменоломня у озера.

— Но автобус не мог туда проехать. Мы же осматривали проселок!

— Автобуса там нет,— ответил Мейсон.— Но дети! Школьные учебники, ранцы, пара курток лежат на краю карьера. И... и в карьере.

— В карьере?

— Там шестьдесят пять футов воды. Одежда плавает на поверхности. О боже, Хэвиленд. Что, если...

Глава 11

Клейтон зашевелился как растревоженный муравейник. Толпа запрудила улицы. Вереница машин двинулась к шоссе. Две из них столкнулись на выезде из города, наглухо перегородив дорогу. Люди бежали к каменоломне, крича: «Они нашли детей!»

Это невозможно, уверял себя детектив. Они же не единожды осмотрели проселок, ведущий к заброшенной каменоломне. Отпечатков шин автобуса не было, а в пятидесяти ярдах от шоссе кончались и следы, оставленные машиной Телицки. Дорога заросла кустарником и молодыми деревьями. Вчера и сегодня утром вертолеты пролетали над карьером и не заметили ничего подозрительного. Там не могло быть ни детей, ни автобуса. И тут будто молния пронзила детектива, и он бросился к шоссе.

По проселку действительно никто не ездил. Но со времени исчезновения прошло сорок восемь часов. И теперь автобус мог подъехать к каменоломне с другой стороны горы.

Скрипнув тормозами, остановилась патрульная машина, Телицки открыл дверцу, Хэвиленд прыгнул в кабину, и они помчались к шоссе на Лейквью. Но они добрались лишь до поворота, где столкнувшиеся машины перекрыли движение, вылезли из кабины и побежали к проселку.

— Можно ли подъехать к каменоломне с другой стороны? — прокричал Хэвиленд.

— Со стороны Джонсвилля там идут поля, отделенные от каменоломни лишь узкой полоской леса,— ответил Телицки.— Там наверняка можно проехать.

Возможному объяснению всегда отдается предпочтение перед объяснением невероятным, и Хэвиленд ускорил шаг.

На проселке, бампер к бамперу, стояли машины.

— Надо освобождать дорогу,— сказал Телицки.— Иначе к каменоломне не проедут ни пожарная машина, ни кран.

— Пожарная машина? — удивился Хэвиленд.

— Да, чтобы откачать воду. А на кране есть крюки, которыми можно подцепить автобус, если он в карьере. Эти машины нужно убрать.

Оставив Телицки на шоссе, Хэвиленд поднялся наверх. На земле валялись учебники, ранцы, куртки, шапки. Старая каменоломня была доверху залита водой.

Каким-то чудом шерифу Пибоди удалось добиться того, что детские вещи остались нетронутыми. Кто-то нашел следы машины, подъезжавшей к карьеру со стороны Джонсвилля. Ширина шин указывала на то, что детей или, хотя никто не решался сказать об этом вслух, их тела, привезли не на микроавтобусе.

Но, несмотря на всеобщую истерию, у Хэвиленда возникло и все более крепло ощущение, что в карьере нет ни детей, ни автобуса. Ему вспомнились слова Пата Махони о принципе фокусов Тарстона: «Главное — заставить зрителей думать только о том, что нужно фокуснику». У каменоломни собрался весь город, и кто-то очень этого хотел.

К карьеру подъехала ярко-красная пожарная машина.

— Когда вы заметили детские вещи? — спросил Хэвиленд у пилота вертолета.

— В тринадцать часов десять минут,— ответил тот.

— Вчера вы тоже участвовали в розыске детей?

— Да.

— Значит, вы и раньше пролетали над каменоломней?

— Несколько раз. Сегодня трижды. При последнем пролете я их и увидел.

— Вы хотите сказать, что еще утром этих вещей не было?

— Я в этом уверен.

— А другие пилоты пролетали над этим районом?

— Конечно. Мы разбили весь участок на квадраты и после каждой заправки меняли их.

— Скажите, лейтенант, кто-нибудь мог догадаться, что вертолет пройдет над каменоломней в час дня?

— Полагаю, что да. С интервалом плюс-минус десять минут. Мы летали по определенным маршрутам, и время появления вертолета над каменоломней можно было рассчитать заранее.

— И еще, лейтенант. Какая-то машина привезла вещи и, возможно, детей, со стороны Джонсвилля. Вы ее не видели?

— Я не помню. Если и видел, то не обратил внимания.

По телу Хэвиленда пробежала дрожь. Он знал это чувство, означающее, что разгадка близка. Он повернулся к Мейсону.

— Допустим, я скажу этим людям, что детей в карьере нет и они должны вернуться домой. Как вы думаете, они уйдут?

— Вы что, смеетесь? — воскликнул Мейсон.— Никто не тронется с места, пока кран не проскребет все дно. А вот и он!

Хэвиленд обернулся. С надсадным ревом по проселку медленно поднимался громадный кран.

— Сколько людей осталось в городе? — спросил детектив.

— Не больше дюжины,— ответил Мейсон. — Телефонистки, инвалиды, двое полицейских. Они охраняют арестованных.

Глава 12

Сержант Мейсон перечислил не всех. Пат Махони по-прежнему сидел в кресле в гостиной с разбитыми окнами.

Без четверти два он услышал громкие крики. Пат выглянул на улицу. Человек пятьдесят или шестьдесят бежали к его дому. Хэвиленд был прав, подумал старик. Горожане решили выместить на нем свою злобу. Но толпа пронеслась мимо.

Последним, пыхтя от натуги, бежал старый Исаак Стенли.

— Что случилось? — прокричал Пат.

— Они нашли детей! В старой каменоломне у озера!

Люди покидали Клейтон. У Пата подогнулись ноги. Если детей нашли в каменоломне, там мог быть и Джерри. Но Пат не двинулся с места. Скоро голоса стихли вдали. В мгновение ока Клейтон стал мертвым городом. Закрылись все магазины, с улиц исчезли пешеходы и машины.

Пат прошел на чердак и открыл сундук, где лежал реквизит. Он достал ковбойский костюм и отнес его в спальню. Пат разделся, аккуратно повесил костюм на плечики и облачился в ковбойские доспехи. Башмаки на высоких каблуках, стетсон, широкий пояс с кобурами, из которых торчали рукоятки револьверов.

Он взглянул на фотографию Норы.

— Все будет в порядке, дорогая. Вот увидишь. Еще одно представление. Не волнуйся о своем мальчике. Пока я жив, с ним ничего не случится. Вот увидишь.

Пат Махони неторопливо шел по Главной улице. Первыми заметили его телефонистки.

— Когда я увидела мистера Махони,— рассказывала потом Гертруда Нейлор,— то не поверила своим глазам. Он будто сошел с киноэкрана. Сколько раз нам показывали одинокого ковбоя, идущего по Главной улице покинутого жителями городка, ковбоя, готового встретить врагов. Его руки поглаживали рукоятки револьверов. Я указала на него Милли, и мы засмеялись. Мы решили, что он свихнулся.

Пат поднялся по ступенькам банка, повернулся, оглядел пустынную улицу, поправил шляпу и вошел в двери.

Окончание следует

Перевел с английского В. ВЕБЕР

1936—1983: НАРОД ПРОТИВ ФАШИЗМА

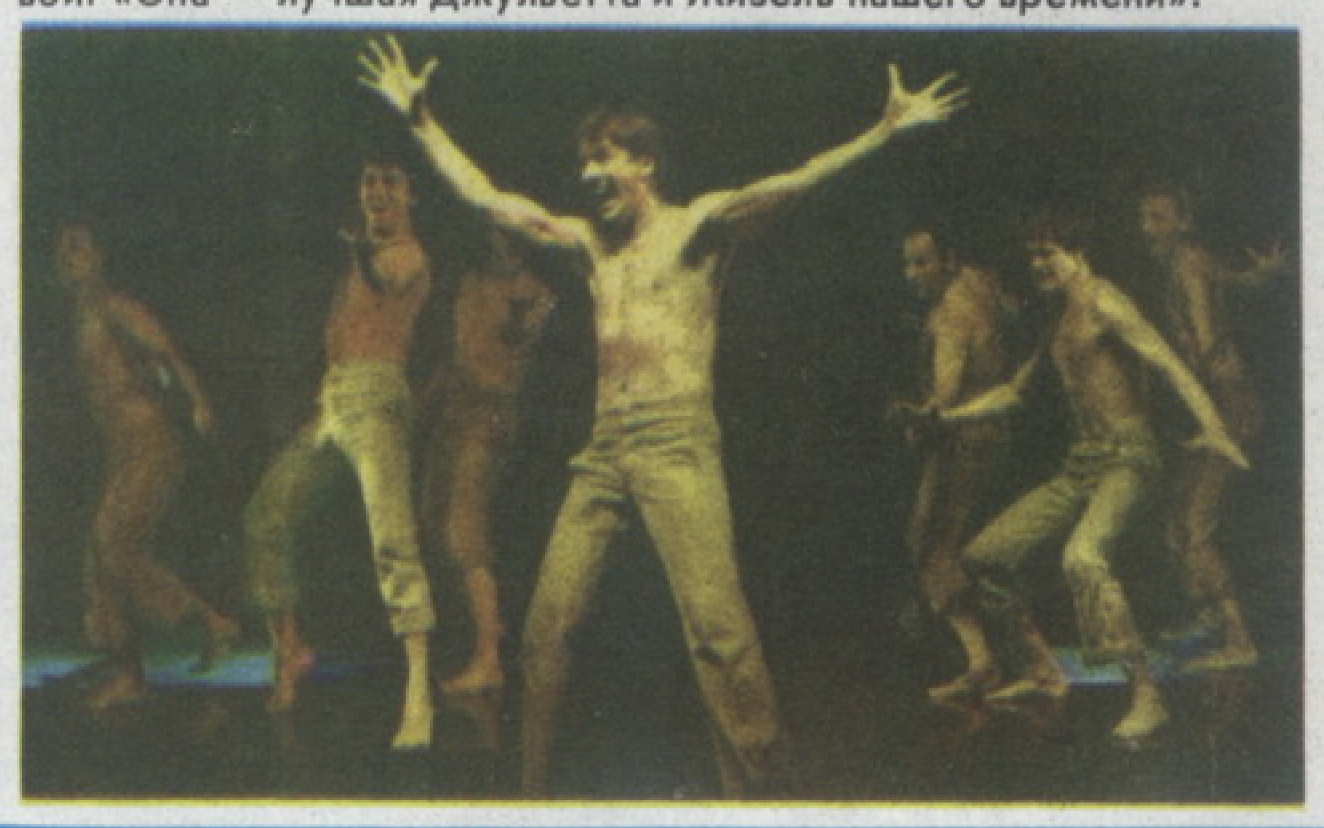
Три года назад, в лондонском рабочем районе Степни, на Кейбл-стрит, Дэвид Биннингтон начал писать на стене дома эту картину: «1936 год. Народ против фашистов». На ней легко узнаются реальные лица рабочих, живших тогда на улицах по соседству, и чернорубашечников — фашистов во главе с их фюрером Мосли. Содержание картины ни у кого сомнений не вызвало. У фашистов тоже: в прошлом году они ее изуродовали, и немало сил пришлось приложить друзьям художника, чтобы восстановить ее. Вся эта картина об одном: борьба с фашизмом продолжается.

А ЧТО ГОВОРЯТ О ТЕАТРЕ!

Петер Век, директор венского театра «Фольксопер», сказал еженедельнику «Штерн», что ему говорили, что, дескать, советский театр, тем более в жанре мюзикла, «не тянет». Петер Век, однако, приехал в Москву «посмотреть театр, сцену и актеров, подышать московским воздухом» (это его слова) и, посмотрев в театре Ленинского комсомола «Юнону и Авось» (стихи А. Вознесенского, музыка А. Рыбникова, режиссер М. Захаров), пришел к твердому убеждению, что спектакль этот — «мирового уровня». Курьезно, что, передавая мнения П. Века о «мировом уровне» «Юноны» — пьесы о любви, верности, о чувствах и мыслях, близких людям разных стран, журнал «Штерн» не удержался от провинциальных и убогих пересудов в привычном стиле: говорят вроде, что спектакль в Москве встречен прохладно.

Галина Уланова в Гамбурге поставила с труппой Джона Ноймайера «Жизель». Тут и говорить нечего: для западногерманских любителей балета это событие. «Ди цайт» пишет о Галине Улановой: «Она — лучшая Джульетта и Жизель нашего времени».

ТО ЖЕ, НО В УПАКОВКЕ

Его уже видели, этого странного художника — а может, скульптора, дизайнера? — Христо Явасефа в разных странах. Его страсть — все упаковывать. Еще в 1970 году он завернул в целлофан памятник Леонардо перед театром «Ла Скала» в Милане. Не раз изумленная публика в различных городах и весях не без улыбки взирала на матрацы-холмы, сардельки-скалы и монументы, монументы...— все упакованные Христо в цветные прозрачные мешки. Недавно привычную операцию «вам завернуть?» Явасеф проделал с 11 островками, едва возвышающимися над водами бухты Майами, окружив их розовой пленкой. Для чего? Ну, во-первых, многие находят, что с высоты верхних этажей отелей зеленые острова в розовых кольцах действительно смотрятся. Тем более с вертолета. Во-вторых, произведения искусства Христо,— так говорит сам автор,— хоть скоро и исчезнут, но непременно заставят людей лишний раз «притормозить» в суете, взглянув по-новому на красоту, подаренную им природой и художниками.

В ТАБЕЛЕ — ЧЕТВЕРКА. Крестным отцом он считает знаменитого американского чернокожего теннисиста Артура Эша. Своим кумиром — безоговорочно Боба Марли, певца и основателя стиля «реггей». Стиль же игры Янника Ноа пресса определяет как театральный, зрелищный, и это, возможно, одна из причин, почему появление его имени в ряду звезд мирового тенниса стало шумным, «эстрадным». После победы на международном турнире в Париже компьютер Ассоциации теннисистов-профессионалов вывел француза-камерунца Янника Ноа на четвертое место в мировом табеле о теннисных рангах.

ПРИТОРМАЖИВАЕТ XX ВЕК!

В 1876 году А. Реблинг предложил властям городов Манхаттан и Бруклин план объединения, в котором связующим звеном был мост его конструкции. Огромная, подвешенная на двух прибрежных пилонах арка едва ли выдержала бы напор тогдашних скептиков и критиков, если б не одинаково мощная сила соперничества властей по обе стороны Ист-ривер: каждый мечтал поглотить соседа. И вот сто лет назад при огромном стечении публики «восьмое чудо света» 1800-метровый мост, подвешенный на четырех 40-сантиметровых стальных канатах, был торжественно открыт. Через сто лет музыка и реклама вновь созывают публику на торжества: пять месяцев ежедневно гремит юбилейное шоу, в котором среди прочих звезд выступает и правнук строителя — Поль Реблинг. Когда моста еще не было, местная паромная линия перевозила в день по 1200 человек. Ничтожно мало, если учесть, что сегодня по мосту проходит только машин 121 тысяча. Но если в прошлом веке переезд на допотопном пароме занимал 20—30 минут, то теперь в часы «пик» — около 45.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ, ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Вот два события из культурной хроники, где тесно сплелись история с географией, футуристика с археологией. В Москве, Ленинграде и Тбилиси прошли выставки работ художника Ричарда Нэйпиера, последние годы много работавшего в парижской фирме стиля и моды Пьера Кардена. Нэйпиер — модельер одежды, дизайнер, график научной фантастики, фотограф, археолог-любитель. Один снимок из многообразной экспозиции, конечно, мало что скажет читателю, но все же в нем есть любопытный поиск идей будущей моды, если хотите, еще не пришедшего стиля...

На цветном фото справа — скульптура, найденная на одном из островов близ западного побережья Сицилии. Она пластична, тонка и, можно сказать, чувственна в каждой детали. Так необычайна она для сегодняшнего глаза, привыкшего к скульптуре более абстрактной, умственной, что ли. И войны и время пощадили эту прекрасную скульптуру. Островок этот, между прочим, не так уж далек от Комизо, города, где американцы ставят свои смертоносные крылатые ракеты, способные все живое, включая и археологов, превратить в объекты археологии.

С ПЫТЛИВЫМ ИНТЕРЕСОМ

Итальянские обозреватели нравов не на шутку встревожены шумным успехом выставки «Пыточное оборудование», устроенной во Флоренции. За месяц выставку воротников для удушения, колес для перемалывания костей и пр. и пр. посетило, к удивлению устроителей, особо много семейных и школьных экскурсий. «Мы-то надеялись,— рассуждают они,— что взрослые поймут, что это не развлечение. Если что может отвратить от тяги к жестокости и садизму, так это воспитание детского разума». «Стой спокойно, а то не возьму на второй этаж, где повешенные»,— сердито говорит мужчина сыну, не без интереса листая средневековый талмуд «О способах наказания отроков, коим исполнилось девять лет от роду». ...Впрочем, хотя организаторы и удивлены наплывом посетителей, нельзя сказать, что они вовсе его не ожидали. Кое-какое представление о вкусах и инстинктах публики у них было: до этого они объездили всю Италию с коллекцией ядовитых змей.

ТИХО: ИДЕТ ЗАПИСЬ!

В январе 1976 года выпускники Софийской консерватории Румен Бояджиев, Константин Цеков и Александр Бахаров приступили к работе в студии фирмы «Балкантон»: они аккомпанировали при записи пластинок, заменяя втроем целый оркестр. Скоро они стали известны под именем ФСБ («Формация студии «Балкантон») как отличные студийные музыканты. Но аккомпаниаторы оказались еще и интересными композиторами и аранжировщиками. Их первая пластинка, в которой использованы элементы болгарского музыкального фольклора, открыла им дорогу к концертной деятельности. Оригинальное сочетание — национальные мелодии в электронной обработке — привлекает к ФСБ слушателей не только в Болгарии, но и в других странах. Сами же музыканты по-прежнему считают своим основным делом работу на студии «Балкантон».

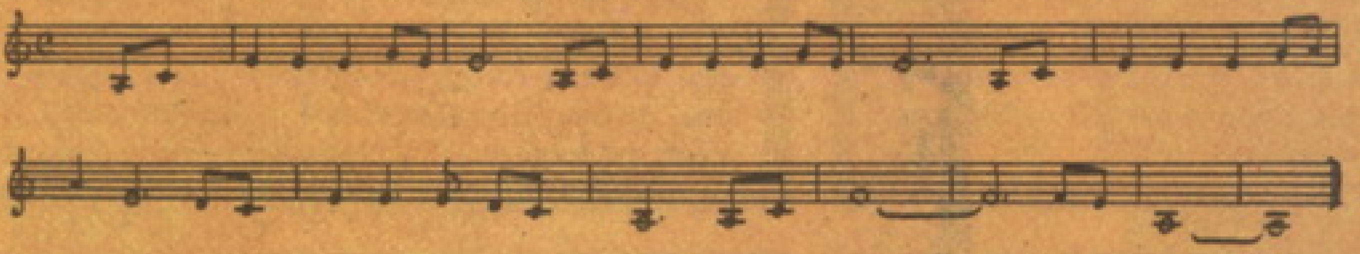

Индекс 70781
Цена 35 коп.

Вот уже пять лет английский рок-ансамбль «Клэш» прочно удерживает ведущие места в британских и американских хит-парадах (мы писали об этой группе в № 5 за 1978 год и в № 3 за 1982-й). У «Клэш» очень интересная музыка, но главное, что привлекает к ним внимание молодых слушателей, это темы песен. На этой странице одна из последних сатирических песен «Клэш» о буржуазной демократии, о тех «правах» и «свободах», которые дарованы молодым англичанам. Называется она «Знай свои права»: «Вот твои права, все три. Первое: ты имеешь право не быть убитым. Убийство — преступление (если оно не совершено полисменом или аристократом). Второе: ты имеешь право на еду и деньги (если не возражаешь против некоторых унижений...). Третье: ты имеешь право на свободу слова (если не пытаешься этой свободой воспользоваться). Ах, вы не согласны! Вы вышли протестовать на улицы! Зря, ребята. Вот ваше главное право: молчать! И все, что вы скажете или сделаете, может быть использовано как улика против вас».

В № 9 за этот год мы объявили конкурс читателей на перевод песен, которые мы печатаем на IV обложке «Ровесника». Повторяем, конкурс продлится до середины 1984 года, в конце его мы подведем итоги и опубликуем ваши лучшие работы. Песня «Знай свои права» также конкурсная. Переводы направлять с пометкой на конверте «Конкурс песни».

This is a public service
announcement with guitar:
Know your rights,
All three of them.
I say:
Number 1. You have the right
nor to be killed.
Murder is a crime!
Unless it was done by a
policeman or aristocrat.
Number 2. You have the right
to food and money. Providing of course
you don't mind a little humiliation,
investigation, if you cross your
fingers... rehabilitation.
Young offenders! Know your rights!
Number 3. You have the right to free
speech as long as you are not
dumb enough to actually try it.
Know your rights. These are your rights.
All three of them.
It has been suggested in some quarters,
that this is nor enough! Well...
Get off the streets.
Get off the streets. Run.
Don't you have a home to go? Smash.
Finally then I will read you your rights:
You have the right to remain silent.
You are warned, that anything you say
can will be taken down:
used as evidence against you.
Listen to this. Run.

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 12.08.83. Подп. к печ. 19.09.83. А00203. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 900 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1367.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.